

попаданец

ПОПАДАНЕЦ

Владимир
Марков-Бабкин

1917: ГОСУДАРЬ
РЕВОЛЮЦИИ

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин
1917: Государь революции

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марков-Бабкин В.

1917: Государь революции / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ», 2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-133588-5

Революцию нельзя предотвратить. Ее можно только возглавить. Особенно если волею судьбы ты становишься императором Всероссийским в разгар Февральской революции 1917 года. Восстановить порядок и взять власть новый царь Михаил Второй может, только опираясь на армию, а для этого он вынужден был обещать все то, что от него хотели услышать солдаты – скорый мир, справедливый раздел помещичьей земли, реформы и построение новой справедливой России. Но старая система не желает уступать и дает отпор. Покушения, заговоры, мятежи. Интриги и провокации иностранных разведок. Сопротивление прежних хозяев жизни. Идущая третий год мировая война и потеря огромных территорий. Отсталость экономики и нищета. Сотни, тысячи проблем и неразрешимых противоречий. Кажется, что против нашего героя встала сама история, которую ему и предстоит изменить. Итак, капризом судьбы, на троне Российской империи оказался даже не царь-реформатор, а вынужденный вождь революции, ее государь. Поможет ли нашему попаданцу его послезнание и опыт из будущего? Сумеет ли удержать страну от Гражданской войны, военного поражения и многих миллионов погибших? Дадут ли ему создать новую Россию?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133588-5

© Марков-Бабкин В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая. Начиная освобождение	7
Глава I. Ветряные мельницы Петрограда	7
Глава II. Начало большой игры	22
Глава III. Меж двух столиц	35
Часть вторая. Блаженны миротворцы	47
Глава I. Горячий прием	47
Глава II. Пир перед Рубиконом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Марков-Бабкин 1917: Государь революции

© Владимир Марков-Бабкин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Искренняя благодарность всем моим коллегам, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «Самиздат» и «В Вихре Времени».

Отдельное спасибо Виталию Сергееву за помощь.

Спасибо вам, друзья. Мы вместе сделали книгу лучше.

Посвящается моей семье.

Спасибо вам за все и за то, что вы у меня есть.

Часть первая. Начиная освобождение

Глава I. Ветряные мельницы Петрограда

Петроград. Петропавловская крепость.

7 (20) марта 1917 года. Вечер

– Глазам своим не верю!

– И правильно делаете.

Человек, жестко зафиксированный на грубом деревянном стуле, мог лишь вращать головой, что с успехом и делал, глядя на то, как я усаживаюсь в кресло. Хотя нас и разделял стол, а мой «собеседник» был явно не в гостях, не было тут никаких дешевых приколов, типа света в глаза, стоящего за спиной допрашиваемого мордворота в кожаном фартуке, многообещающе хрустевшего костяшками разминаемых перед «работой» пальцев, в общем, никакого антуража не было. В комнате вообще больше никого не было, только я и человек напротив.

Более того, я позаботился о том, чтобы нас тут никто не мог подслушать и за нами никто не мог подсмотреть. В общем, мы были одни.

Не спеша достал трубку, коробочку с табаком, набил чашу размеренными движениями и закурил, наслаждаясь ароматным дымом. Было видно, что сидящий напротив меня арестант жадно потянул воздух ноздрями и даже судорожно сглотнул.

Я просто сидел и с наслаждением курил. И молчал. Молчал, спокойно рассматривая сидящего передо мной. Рассматривал с тем спокойным интересом, с которым энтомолог рассматривает новый экспонат его коллекции. Причем рассматривает не как какое-то жуткое и редкое насекомое, а как интересную, хотя и достаточно заурядную бабочку. Эдак с легким любопытством, но без особых эмоций.

Что ж, определенное любопытство у меня действительно имелось, все же Сидней Рейли, он же Соломон Розенблюм, международный проходимец и лейтенант британской разведки, был фигурой колоритной. Во всяком случае, и в своем 2015 году я о его похождениях был наслышан, а теперь вот имею возможность, так сказать, познакомиться очно. Тем более что, в отличие от времен моей прошлой жизни в будущем, сейчас он для меня не персонаж исторических хроник, а человек, который за вчерашний день успел возглавить мятеж против моей персоны, а затем еще и устроил взрыв в Зимнем дворце, при котором я чудом уцелел. Так что интерес у меня к нему был не только академический.

Выкурив половину трубки, я вдруг поинтересовался у арестанта:

– Курить хотите?

Тот как-то замер на мгновение, затем, сглотнув, напряженно кивнул. Я достал из ящика стола пачку папирос, вытащил одну и, подойдя к сидящему вплотную, всунул папиросу ему в рот. Дождавшись, пока человек судорожными затычками раскурит папиросу от поднесенной мной спички, я помахал спичкой в воздухе и все так же спокойно сел на свое прежнее место.

– Можете гордиться, вам дал прикурить сам император Всероссийский, – усмехнулся я. – Впрочем, господин Розенблюм, вы вряд ли об этом кому-то расскажете.

Я сделал несколько резких затыжек, возвращая силу огню в чаше, а затем откинулся на спинку кресла, глядя на Розенблюма сквозь клубы дыма. Тот попыхивал папиросой, пепел падал ему на рубашку. Он с этим ничего поделать не мог, а меня это не волновало.

– Итак, господин Розенблюм, что скажете?

Папироса у него во рту догорела, и, не имея возможности ее вытащить, он, изловчившись, выплюнул ее на пол. Правда, тут же сказал извиняющимся голосом:

– Простите мою неучтивость, ваше императорское величество, но поступить в соответствии с правилами приличий у меня не было возможности.

– Пустое, господин Розенблум, пустое. Если мне потребуется содрать с вас живую кожу, я не буду искать поводов для этого. Так что оставим это. Итак, повторю вопрос: что скажете?

Тот несколько мгновений смотрел мне в лицо, а затем медленно произнес:

– Я думаю, да простит меня ваше императорское величество, что вы хотите меня купить. С интересом смотрю на него.

– Аргументируйте.

Розенблум пожимает плечами, насколько позволяют прижимавшие его к стулу ремни, и спокойно так (как будто он действительно в конторе, а я покупатель) отвечает:

– Простите, ваше императорское величество, но я не нахожу другого объяснения вашему нахождению здесь, да еще и без следователей и прочих помощников. Из этого я позволил себе сделать дерзкий вывод о том, что вам от меня что-то нужно и что я должен это сделать добровольно. И это «что-то» настолько большое, что для этого я должен буду получить такие гарантии, которых никто кроме вас дать не может. Но, ваше императорское величество, хочу сразу сказать, я подданный его величества Георга Пятого, и я не могу выступить против его интересов.

Я довольно продолжительное время его разглядывал, а затем все же усмехнулся.

– Если в вашем лице сейчас лейтенант Сидней Рейли, то спешу вас успокоить, мистер Сидней Рейли будет повешен во дворе Петропавловской крепости вместе с коммодором Кроми. Не исключаю, что компанию вам составит и мистер Локхарт...

– Но он же дипломат! – вырвалось у арестанта.

– Вот незадача, правда? Но вы-то не генеральный консул Великобритании в Москве и не обладаете дипломатическим статусом? И уж вами-то мой царственный собрат Георг Пятый пожертвует не задумываясь, и вы это прекрасно понимаете. Так что, если вы – мистер Сидней Рейли, подданный Георга Пятого, то на этом наш бессмысленный разговор заканчивается, а ваша недостаточно изворотливая шея начинает готовиться к петле. Естественно, перед этим вы нам все расскажете, что знаете и о чем только догадываетесь.

– А если не расскажу? – с неким вызовом бросил мой собеседник.

– Это Петропавловская крепость, а я не мой брат Николай, я не имею глупых предрассудков, а мои следователи очень изобретательны, так что можете поверить мне на слово: вы будете рассказывать все, изо всех сил, спеша и торопясь, боясь опоздать и что-либо из интересующего меня вдруг позабыть. Тем более после вчерашних-то событий. Но я не об этом сейчас. Итак, если вы Сидней Рейли, то наш разговор на этом окончен и вами займутся профессионалы, а если вы все же Соломон Розенблум, уроженец солнечной Одессы и мой подданный, то мы с вами еще поговорим. Итак?

– Что вы конкретно от меня хотите? – выдал вдруг севшим голосом мой визави.

– Вы чей подданный?

– Но...

– Всего вам хорошего, мистер Рейли. Удачного и полного впечатлений дня.

Я встаю и направляюсь к дверям.

– Согласен, я согласен!

Что ж, клиент созрел. Можно и поговорить. Стою за спиной «потерпевшего» и жестко задаю лишь один короткий вопрос:

– Ваша фамилия?

Сидящий судорожно втягивает воздух в легкие и хрипит:

– Розенблум...

– Тогда слушайте сюда, как говорят у вас в Одессе. Слушайте сюда и слушайте ушами. – Я вновь усаживаюсь в кресло. – Я потратил на вас слишком много времени и вступительной

речи не будет. Итак, вы делаете то, что я от вас хочу. Первое, вы рассказываете все, что знаете о шпионской сети в России, а также о ваших агентах влияния и просто дураках, которые вам оказывали услуги. Второе, вы подпишете все, что вам скажут, хорошенько выучите свою роль и выступите на открытом процессе в качестве Сиднея Рейли, где поведаете все, что будет нужно для суда. После чего Кроми и Локхарт будут повешены, а сотрудничавшему со следствием Рейли смертная казнь будет заменена на каторгу, где он благополучно и погибнет, заваленный породой где-нибудь в шахте. Третье, вы, господин Розенблюм, меняете имя и фамилию и поселяетесь в одном из охраняемых поселков, где будете служить в качестве живого консультанта. Качество вашей жизни там, равно как и ваша жизнь в целом, будут целиком зависеть от вашего желания быть полезным консультантом и, что самое главное, быть живым и достаточно здоровым консультантом. Это будет не тюрьма, и в пределах охраняемого периметра вы не будете иметь ограничений. Возможно, когда-нибудь, если будете нам очень полезны, мы сможем заключить новую сделку, и вы сможете еще больше расширить уровень своей свободы и значительно увеличить уровень комфорта своей жизни.

Сделав паузу, я добавил:

– Вы авантюрист, Розенблюм, авантюрист, чуждый громких слов и пустых принципов. В этой игре вы проиграли. Но у вас появился шанс купить себе жизнь, выполнив все три моих желания. И у вас, возможно, появится шанс сыграть в новую игру по-крупному, как вы это любите. Быть может, это будет самая крупная игра вашей жизни. Итак, ваш ответ?

Соломон Розенблюм потер ухо о плечо и усмехнулся:

– Ну, я согласен, чего там...

Петроград.

7 (20) марта 1917 года

Обычный автомобиль из гаража Военного министерства. Лишь шторы на окнах не дают рассмотреть зевакам, кто находится внутри. Лишь пара казаков сопровождения. Мало ли зачем в военное время военный автомобиль выезжает из Петропавловской крепости? Мало ли зачем он едет в Главный Штаб? Кто подумает, что в скромном авто едет сам государь император Всероссийский Михаил Александрович?

Это все равно, как кортеж какого-нибудь чиновника на улицах Москвы моего времени – кому из москвичей приходило в голову на них оглядываться? Так, скользнут безразличным взглядом по очередным автомобилям с мигалками, спеша по своим делам, и не более того.

К сожалению, байки о подземном ходе между Зимним дворцом и Петропавловской крепостью так и оказались байками. Равно, как и не было никаких подземных ходов на ту сторону Невы, что, в общем, неудивительно. Туннели под Невой были непростой задачей и для метро-строителей XX века, что уж говорить о каких-то копателях прошлого. Но вот ход между Зимним и Главным Штабом действительно существовал, чем я и не преминул воспользоваться, не желая афишировать свое перемещение из дворца в Петропавловскую крепость.

Откровения Рейли произвели на меня тягостное впечатление. Разумеется, я в общих чертах понимал ситуацию с несостоявшейся Февральской революцией и вчерашним заговором в попытке формально посадить на престол «законного наследника» Алексея Николаевича, но масштаб измены в откровениях Рейли открылся воистину ошеломляющий. Великие князья, генералы, министры, придворные, депутаты Госдумы. И это не считая платных осведомителей в виде истопников, горничных, казаков Конвоя, шоферов и прочих борцов за денежные знаки иностранных посольств. Кто-то оказывал услуги за деньги, кто-то из идейных соображений, а кому-то очень хотелось оказать услугу «цивилизованным державам». И если немцы и австрийцы сейчас шпионили подпольно, то вот наши дорогие союзнички действовали практически в открытую, ведь быть полезными Лондону и Парижу среди русской аристократии считалось признаком хорошего тона.

А Рейли говорил, говорил, говорил. Называл имена, суммы, даты. Упоминал донесения и сообщения. Батюшин записывал, уточнял. А мне лишь хотелось немедленно отдать приказ об аресте и допросе с жестким пристрастием всей этой публики. Но я прекрасно понимал, что сделать этого сейчас не смогу, мои позиции еще слишком слабы. Да и доклады не вселяют оптимизм. Мягко говоря.

Сегодня днем во дворце было необычно оживленно – я давал аудиенции. И пусть это были сугубо рабочие доклады, которые не имели ничего общего с напыщенным придворным церемониалом, но все же Высочайшая аудиенция у государя – это Высочайшая аудиенция у государя императора. Тут ничего не попишешь. А потому к суете ремонтных работ во дворце добавилась и суета прибывающих с докладами военных, сановников, министров.

Они прибывали, ожидали своей очереди и, удостоившись права на Высочайший доклад, представляли пред мои ясны очи. Доклады были сухи, коротки и сугубо по делу. Никакой воды, никаких рассуждений о смысле бытия. После вчерашнего подавления последнего (или крайнего?) мятежа желающих растекаться мыслью по древу стало значительно меньше.

Итак, доклады следовали один за другим, и чем больше я слушал, тем гаже была картина. Окончательно меня добились телеграфные переговоры с Лукомским, который до прибытия Гурко фактически исполнял должность Верховного Главнокомандующего Действующей армии.

Нет, не могу сказать, что доклады стали для меня откровением и прямо-таки открыли мне глаза. Много я знал, о многом предполагал, имел свои прикидки и умопостроения. Но системный взгляд на ситуацию показал, что я и моя Империя по-прежнему находимся на краю пропасти и что от катастрофы нас отделяет лишь пара-тройка шагов. И, возможно, лишь слишком поспешный мятеж спас меня от более крупных неприятностей. Но не отменил всех предпосылок катастрофы.

Во-первых, Петроград по-прежнему переполнен войсками, и лишь чудом пока на улицах столицы вновь не вспыхнули бои. Слишком велика была неприязнь, слишком взлетели в своих глазах фронтовики, слишком презирали они «тыловую сволочь», потому отношения между запасными полками и прибывшими с фронта то и дело оборачивались мордобоями, а количество инцидентов с участием ветеранов, по докладам полиции, только за сегодня уже превысило десяток. Кутепов драконовскими методами как-то удерживал ситуацию в городе под контролем, но было ясно, что добром это не кончится. Тем более что после вчерашнего дня авторитет власти пошатнулся еще больше, поскольку чехарда на троне не могла не породить хаоса в головах, а мысль о том, что я узурпировал власть, принудив Николая отречься за себя и за сына, находила довольно широкое сочувствие.

Кроме того, ситуация с формированием полков Внутренней стражи из запасных полков Лейб-гвардии идет крайне туго, поскольку циркулирует упорный слух, успешно подогреваемый какими-то агитаторами, что под видом записи во Внутреннюю стражу будут выводить из города небольшими группами, разоружать и затем отправлять под конвоем на фронт, причем на самые ужасные участки фронта. И что лишь нахождение в столице гарантирует их неотправку на фронт.

Причем слух этот стал циркулировать еще вчера вечером, и кто-то явно вкладывал его в головы запасников. А это значило, что есть те, кто заинтересован в том, чтобы Петроград был переполнен войсками. Наполненный вооруженными людьми выше всякой меры город мог в любой момент стать ареной междоусобных боев, и такое положение превращало столицу в пороховую бочку, которая могла взорваться от малейшей искры.

Во-вторых, моя собственная, так сказать, нынешняя родня из императорской фамилии посылала мне откровенные и недвусмысленные сигналы, что мои действия ее не устраивают. Арест Кирилла Владимировича, явная перспектива репрессий, от которых, как выяснилось,

ни у кого нет иммунитета, невзирая на происхождение, а также мои откровенные заигрывания с чернью обеспокоили знать.

А наметившийся разлад с союзниками не понравился очень многим. Министр внутренних дел генерал Глобачев докладывал о встречах некоторых великих князей и княгинь с представителями союзных держав, и подозреваю, что там выражали не только глубокую озабоченность, но и обсуждали конкретные шаги в духе борьбы с безумцем на троне.

Да и вообще ссора с Лондоном и Парижем напрягла многих в столице. Многие генералы, банкиры, промышленники и купцы были если не испуганы этим фактом, то как минимум очень обеспокоены.

В-третьих, бурлила Государственная Дума, возмущенная и испуганная арестом всех членов Временного Комитета Госдумы, то есть фактически всего руководства парламента. И в этом шуме угадывалось стремление и дальше мутить воду в Петрограде или как минимум обещание противодействия моей политике. Тем более что в числе депутатов парламента было довольно много крупных землевладельцев или тех, кто представлял в Государственной Думе их интересы. А их интересы входили в прямое противоречие с тем, что я обещал вчера солдатам.

В-четвертых, ситуация в армии была близкой к коллапсу. Дисциплина в войсках падала, агитаторы резвились, как хотели, разговоры о мире и братания входили в систему. И на фоне этого наш славный генералитет, как ни в чем не бывало, готовился к весенне-летнему наступлению согласно согласованному с союзниками графику. И у меня было смутное ощущение, что подавление мной мятежей сыграло злую шутку, поскольку в этой истории не оказалось сдерживающего оптимизм генералов фактора в виде революции и прочей демократизации армии. А значит, есть у многих генералов большой соблазн игнорировать доклады о разложении армии, а у командиров рангом ниже есть соблазн не информировать вышестоящее руководство о падении дисциплины во вверенном им подразделении или части, боясь гнева высокого начальства и последующих за этим гневом оргвыводов.

И это все при том, что наступать в ближайшие полгода нам нельзя категорически. В этом я был абсолютно уверен. Любое наступление будет иметь катастрофические последствия, результатом которого станет революция и следующая за ней Гражданская война.

В-пятых, союзники оказывали на нас огромное давление, требуя немедленно освободить всех арестованных британских подданных. Уже было заявлено, что до разрешения инцидента в Россию приостанавливаются все военные поставки.

От нас требовали извинений, отставки виновных и в качестве компенсации – расширения привилегий для британских подданных и французских граждан, вплоть до личной экстерриториальности и неподсудности. К этому добавился инцидент в Кронштадте, где англичане из Британской флотилии подводных лодок отказывались подчиняться приказам и требовали освобождения своего командира.

А, в-шестых, после допроса Рейли у меня появилось твердое ощущение, что главную гидру я пока не нашел. Лишь чувствую, что сидит где-то гадина, которая стоит за всем этим. И я пока даже не понял, где именно сидит эта гадина – в Петрограде ли, в России ли, а может, в каком-нибудь Лондоне. Но есть гадина, точно есть. Нутром чувствую. Причем такая гадина, перед которой все эти Рейли и великие князья лишь несмышлениши, лишь пешки, даже не фигуры на шахматной доске.

Автомобиль пересек Дворцовую площадь и, нырнув под арку, въехал в распахнувшиеся ворота. Еще пять минут, и я уже шагаю по освещенному туннелю, направляясь в свою резиденцию. Смотреть тут совершенно не на что, лишь редкие посты дворцовой охраны отдают честь по мере моего продвижения.

Мой военный министр великий князь Александр Михайлович молча шагает позади и не отвлекает меня от моих тяжелых дум. Совершенно очевидно, что попытки удовлетворить всех и быть со всеми хорошим это прямой путь к катастрофе. Но и открытая борьба со всеми

сразу имеет такие же шансы на успех, как пробежка через утыканное заграждениями и минами поле боя под пулеметным огнем противника. Причем бежать буду я один, а пулеметов будет множество.

Что из этого следует? А следует из этого вот что. Нельзя повторять собственных ошибок. Нельзя пытаться действовать в режиме размеренного правления, я не в своем старом офисе руководителя московского медиа-холдинга, здесь мне не дадут расслабиться! Как только я на несколько дней расслабился, то тут же получил мятеж. И что с того, что мятеж подавлен буквально вчера? Так я и на троне-то лишь неделю!

Только темп, только опережение противников, только неожиданные ходы, резкие движения, нестандартное мышление и игра не по правилам – вот составные части успеха. Тем более что мыслю я все же по стандартам своего 2015 года. Пусть в будущее у меня возврата больше нет, но весь мой опыт оттуда никуда не делся, верно ведь?

Петроград. Зимний дворец.

7 (20) марта 1917 года

Во дворце меня уже ждал премьер Нечволодов.

– Чем порадуете, Александр Дмитриевич? – спросил я после обмена приветствиями. – Хотя, судя по вашему хмурому виду, ничем вы меня радовать не будете.

Председатель Совета Министров поклонился.

– Да, государь, вести нерадостные. Выявлено отсутствие целого ряда ответственных чиновников разных министерств. Причем вместе с чиновниками исчезли и весьма важные бумаги. Я связываю это с подавлением вчерашнего мятежа. Вероятно, исчезнувшие чиновники были как-то связаны с мятежниками, и бог весть, где сейчас они сами и исчезнувшие бумаги. Я распорядился провести полную проверку наличия чиновников по всем министерствам, предположив, что это лишь вершина горы. Но не слишком верю в результативность этого.

– Позвольте спросить, почему?

Генерал пожал плечами.

– Чиновничья солидарность, государь, будь она проклята. Я для них чужак, военный, а они десятилетиями красовались в вицмундирах в коридорах министерств. Естественно, они будут покрывать своих. В лучшем случае я узнаю то, что скрыть никак невозможно.

Я прошелся по Золотой гостиной, хмуро оглядывая следы разгрома. Стекла уже вставили, но вынос мебели из бывших комнат Александры Федоровны не прошел бесследно. Во всяком случае, относительно уцелевшая мебель из моего пострадавшего от взрыва кабинета смотрелась тут как на корове седло, усиливая и без того гнетущую атмосферу. Дойдя до дверей в Малиновый кабинет, я не удержался и открыл двери.

– М-да, – сказал я, обозрев хаос. – Александр Михайлович, а какова ситуация в Военном министерстве?

Сандро развел руками.

– Да примерно такая же. Только исчезнувших с бумагами больше. Впрочем, тут, как я понимаю, еще рано подводить итоги, у кого больше таких исчезновений. Ясно одно – исчезли далеко не все, кто имел отношение к заговору.

– К заговорам, – поправил я его. – Именно к заговорам! Не стоит забывать, что февральские события, заговор против моего брата, заговоры против меня и прочие антидержавные поползновения – это лишь малая часть всего, что задействовано против нас.

– Да, государь, разумеется, заговоры. – Великий князь склонил голову. – Но суть не меняется, поскольку разгрести эти авгиевы конюшни мы будем очень долго. Как всегда, будут созданы комиссии, образуются комитеты, пройдут совещания, будут написаны отчеты, а в результате, как обычно, будет пшик, да простит ваше императорское величество мою вульгарность.

Кивнув, я повернулся к окну. Хорошо быть царем хотя бы в этом, не надо думать о том, что ты к своим министрам поворачиваешься спиной. А вот они так не могут сделать. Впрочем, царю нужно думать о других вещах, которые поважнее этикета, будь он неладен!

За окном все было как всегда. Острый шпиль Адмиралтейства подпирал хмурое небо. Через Дворцовую площадь на Дворцовый мост тянулись сани извозчиков, проехало пару грузовиков, честной люд спешил туда-сюда по своим делам, а на грязном льду Невы суетились люди, вокруг прорубей. И никому не было дела до моих проблем.

А проблемы весьма серьезные. Ведь я могу сколь угодно долго грозиться начать решительную борьбу и всячески проявлять активность, но все мои повеления будут просто тонуть в бюрократическом болоте, не встречая яростного сопротивления, но и не оказывая на окружающую действительность никакого влияния.

Эх, столица-столица, будь ты неладна! Как бороться с тобою? Министры, чиновники, столоначальники, генералы, придворные, аристократы, прочие кровопийцы! И борьба с ними по их правилам это все равно что борьба с ветряными мельницами – суета есть, а результата, кроме смеха окружающих, никакого! Как я порой понимаю большевиков, которые перестреляли всю эту братию к едрене фене! Впрочем, зачем мне себя обманывать? Перестреляли они их уже значительно позже, а на первых порах даже они были вынуждены сбежать в Москву от всей этой братии. И разве только они? Самые жесткие и крутые государи не смогли сломать инерцию аппарата, вынужденно перенося свою столицу в другое место, фактически создавая державный аппарат заново. Иван Грозный перебрался в Александровскую слободу, а тот же Петр Великий вообще предпочел основать себе новую столицу. Про большевиков я уж молчу.

– Александр Михайлович, очевидно, послезавтра я отбываю в Первопрестольную. Потрудитесь взять с собой Маниковского и Кутепова и отбыть вместе со мной.

Великий князь сдержанно поклонился, ничего не сказав. Я обратил взор на премьер-министра.

– Александр Дмитриевич, вас с собой пока не зову. Для Империи вредно, когда и государь и премьер-министр уезжают одновременно. Но готовьтесь. В ближайшие дни вы мне понадобится в Москве. Сегодня жду вас со Свербеевым, а вечером жду вас для определения тезисов программы правительства в свете новых веяний.

Усмехнувшись, я добавил:

– Готовьтесь к бессонной ночи, но чтобы завтра были как огурчик. Вам еще предстоит председательствовать. И, кстати, как Дроздовский?

– Входит в курс, государь.

– Прекрасно. Передайте ему, что я на него рассчитываю. Все, господа, все свободны. Мне надо поработать.

Петроград. Казармы Лейб-гвардии финляндского запасного полка.

7 (20) марта 1917 года

На плацу замерли батальоны. Глядя на толпу стоящих в строю солдат, полковник Слащев не смог сдержать недовольной гримасы. Толпа. Чисто толпа. Одно слово – запасной полк, набранный в последнюю мобилизацию из тех, кого не брали раньше. Плохо обученные, необстрелянные, хилые и тощие, юнцы или великовозрастные мужики. Беда, а не воинство. И как он вчера решился с этой публикой идти захватывать Зимний?

– Здорово, орлы!

Сравнение с орлами прозвучало явным издевательством. Впрочем, разноречивого ответного приветствия мог бы точно так же оскорбить чувства любого кадрового офицера. Однако Слащеву сейчас было не до вопросов дисциплины и слаженности подразделений.

– Братцы! Позавчера я взял грех на душу, подбив вас к мятежу и измене нашему законному государю императору Михаилу Александровичу. Участвуя в мятеже против помазан-

ника Божьего, мы преступили законы Божьи и законы человеческие. Совершив такое, мы не заслуживаем прощения. Однако наш все милостивейший государь даровал нам свое царское прощение и повелел мне повторно привести полк к присяге его императорскому величеству. Принося присягу, вы должны понимать, что Высочайшее прощение необходимо отслужить. После церемонии присяги полк покинет место своей нынешней дислокации и отправится на фронт искупать кровью свою вину перед государем и Россией. Говорю прямо – полку предстоит отправиться на самые опасные участки фронта. Думаю, излишне говорить о том, что отказ от присяги не снимает обвинения в государственной измене и таковыми изменниками будет заниматься военный трибунал.

Полковник замолчал на несколько мгновений, внимательно оглядев стоявших перед ним солдат. Те стояли молча, никак не выражая свое мнение. Неизвестно, что послужило большим сдерживающим фактором, то ли слова Слащева о том, что не принешие присягу не получают Высочайшее прощение, то ли сыграли свою роль три броневика за спиной полковника, хищно направившие свои пулеметы на Лейб-гвардии Финляндский запасной полк...

Петроград. Зимний дворец.

7 (20) марта 1917 года

– Ваше императорское величество! От лица Действующей армии позвольте заверить вас в нашей полной верности и готовности сокрушить любых врагов вашего величества!

– Благодарю вас, генерал. Свою верность прибывшие с фронта полки доказали вчера. Мятеж подавлен и виновные понесут заслуженное наказание.

Гурко склонил голову.

– Государь! Известие о том, что за вчерашним заговором стоят наши французские и британские союзники, произвело тяжелое впечатление на русскую армию. Дисциплина и так слаба, а уж при таких новостях все шире расходятся вопросы о том, а за что и во имя чего мы воюем? Кто теперь наши союзники?

– Охотно верю, генерал. Судя по тому, как вчера разъяренная толпа чуть не сожгла британское посольство в Петрограде, такие вопросы задают себе не только в армии. И это при том, что заговор пустил глубокие корни, в том числе и в армии. Вот ознакомьтесь.

Я протянул ему папку с показаниями Рейли.

– Здесь есть много чего интересного. И про прошлые покушения и подготовки революций, а равно как и о будущих планах и об уровне их выполнения в настоящий момент. Кроме того, хочу вам предъявить некоторые результаты работы Высочайшей следственной комиссии, а также выводы после расследования обстоятельств заговора против моего брата, которое проводила комиссия под руководством генерала Лукомского. В этих папках есть много интересных показаний, которые дали интересные следствию люди, включая генералов, членов Государственной Думы и Государственного Совета, членов правительства, лиц из Свиты моего брата, моего собственного окружения, а также показания великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей. Читайте внимательно, я вас не тороплю. Тем более что бумаги сии относятся к категории документов особой важности и не подлежат выносу из этого кабинета.

Я протянул Гурко папку с показаниями Рейли. Пока генерал читал, я, глядя из окна своего временного кабинета на Дворцовую площадь, вновь и вновь прокручивал расклад перед началом новой версии Большой Игры.

Минут через десять генерал начал промакивать лоб белоснежным платочком, еще через пять пальцы его начали подрагивать. Ничего, пусть почитает. Там много про кого чего написано. В том числе и про самого генерала Гурко. Нет, прямых обвинений в участии во вчерашнем мятеже ему там не выдвигалось, но при желании Высочайшая следственная комиссия могла начать задавать ему весьма неудобные вопросы. Во всяком случае, не вызывало сомнений, что Гурко был в курсе заговора против Николая и ровным счетом ничего не сделал. Да,

разумеется, я даровал всем участникам тех событий амнистию, но несмотря на это, из Петропавловской крепости не были выпущены ни генерал Рузский, ни генерал Данилов, ни генерал Беляев, ни генерал Хабалов, ни прочая публика. А вчера к ним добавились новые персонажи – генералы Крымов и Богаевский, графиня Панина, Родзянко, Милуков, Гучков сотоварищи. И это, не говоря уж о великих князьях Кирилле и Борисе Владимировичах. Так что определенный дискомфорт в душе Гурко был вполне понятен и объясним.

Дочитав, Верховный главнокомандующий Действующей армии встал и вытянулся по стойке смирно. Он был бледен, и прочитанное явно не добавило ему лет жизни.

– Ваше императорское величество! По вашему повелению я ознакомился с показаниями офицера британской разведки господина Рейли и другими материалами.

– Что скажете, генерал?

– Я жду ваших повелений, государь, – глухо произнес он. – Дозволено ли мне спросить, что говорят союзники по этому поводу?

– Буквально перед вами у меня на аудиенции был британский посол господин Бьюкенен. Произошедшее вчера было названо прискорбным инцидентом, результатом частной инициативы отдельных британских подданных. Было выражено сожаление, но официальных извинений из Лондона и Парижа пока не прозвучало. Более того, от нас требуют немедленно освободить всех задержанных по этому делу французских граждан и подданных британской короны. И наказать виновных в их аресте.

– Неслыханная дерзость, государь!

– Это еще не все. От нас потребовали начать наступление на Восточном фронте не позднее чем через три недели.

Гурко опешил.

– То есть как, государь?! Это абсолютно невозможно! В условиях весенней распутицы на юге и снежных заносов на севере мы просто не успеем провести сосредоточение сил, не говоря уж о подвозе боеприпасов и прочего. И есть же график и сроки кампании на этот год, утвержденные на Петроградской конференции. Причем мы же поднимали наоборот вопрос о сдвиге сроков наступления на лето, в связи с последними событиями и общим снижением боеспособности русской армии!

– А вам не кажется странным такой порядок событий: сначала более или менее боеспособная наша армия готовится к весеннему наступлению, потом нам фактически замораживают поставки уже оплаченных вооружений и боеприпасов, затем у нас случается череда внутренних потрясений, включая две попытки мятежа и смену монарха, а затем армию с подорванной боеспособностью требуют немедленно бросить в большое наступление прямо по колено в грязи? Причем не желают слушать никаких наших аргументов?

– Но если мы откажемся, а Нивелю удастся его наступление, то мы действительно будем иметь бледный вид. Возможно, в предательстве нас прямо не обвинят, но наше место за победным столом будет в лучшем случае у двери. А если Нивель не преуспееет, то всю вину за катастрофу возложат на Россию и так же используют это против нас.

– Вот, Василий Иосифович, я вижу, вы тоже оценили красоту игры наших союзников. Да, генерал, именно так. Дело запахло победой и дележом трофеев. И нас пытаются оттеснить от стола. Кстати о Петроградской конференции. Вспомните о том, что основной неофициальной темой той конференции были вовсе не наступление как таковое, и не кампания 1917 года в целом. Основной темой была возможная революция в России. С чего такая забота?

– Ну, – пожал плечами он, – это как раз понятно, союзники были обеспокоены возможной революцией и тем опасным влиянием, которое она бы имела на боеспособность армии. А это могло сказаться на успехе всей войны в целом.

Я поднял бровь.

– Вы полагаете? А вы не находите странным, что обеспокоенные, как вы говорите, союзники сделали все, чтобы эта самая революция случилась? И это как раз в преддверии большого наступления на Восточном фронте? На момент подготовки и проведения Петроградской конференции в России уже сложилось несколько центров заговора, в которых планировался дворцовый или военный переворот. Кроме того, было несколько центров, которые планировали коренную смену общественного строя, путем установления республики или даже какой-то революционной диктатуры, так хорошо известной нам по революционным событиям прошлого в той же Франции. Оставив даже пока в стороне сам факт многократного покушения на священные особы государей императоров Всероссийских со стороны, казалось бы, ближайших военных союзников, хочется спросить – какую же цель преследуют в Лондоне и Париже, пытаясь организовать переворот в России? Быть может, они хотят получить более боеспособную Россию? Этот вариант мы решительно отмечаем как несостоятельный. Любая революция в России подорвет боеспособность армии до такой степени, что даже нынешнее разложение войск покажется образцом дисциплины. Тогда для чего же?

Генерал ничего не ответил.

– Молчите? А я вам скажу! Повторяю, Россию просто решили устранить как ненужного более компаньона, который в перспективе может стать конкурентом. Наши дорогие союзники отлично осознают, что у немцев есть только два варианта приемлемо закончить эту войну, а именно выбить из войны либо Францию, либо Россию. И как вы понимаете, их интерес в том, чтобы склонить германцев к удару по России. Но сил у немцев на сокрушительный удар по России нет, и соблазниться они могут, лишь увидев беспомощность русской армии и революционную смуту в тылах Российской империи. Лишь в этом случае они могут решиться развернуть основные силы в сторону России, выбивая ее из войны и полагая, что погрязшая в Гражданской войне Россия не сможет потом нанести удар в спину Германии. А для этого в России должна случиться революция. Не смена монарха, нет, им это мало что даст, а именно всеобъемлющая революция, разрушающая устои, рушащая дисциплину в армии и повергающая в хаос транспорт и хозяйство империи. Добившись революции в России, наши, прости господи, союзники добиваются сразу нескольких целей. Первое – они переключают внимание Германии на восток, обнажая тем самым оборонительные рубежи на западе. Второе – они расчищают и облегчают путь генералу Нивелю для нанесения сокрушительного удара по Германии. Третье – они устраняют Россию из числа стран-победительниц в этой войне, а значит, можно ничего обещанного не выполнять, включая Проливы и все остальное, о чем мы договорились. И четвертое – сама поверженная и опрокинутая в хаос Россия может стать и для стран Антанты, и для стран союза центральных держав тем пространством и тем ресурсом, который можно разделить на колонии между всеми заинтересованными сторонами. Революции мы не допустили. Но, даже не добившись революции в России, они все равно уверены в том, что Нивелю удастся нанести Германии решающий удар, и потому все еще надеются так или иначе обвинить Россию во всех смертных грехах, дабы как минимум уменьшить ее долю при разделе победных трофеев, а как максимум – попытаться все же обратить Российскую империю в хаос смуты.

Помолчав несколько минут, продолжаю задумчиво глядя в окно:

– Но мне кажется, что в Лондоне и Париже выдают желаемое за действительное. Вообще, генерал, я считаю в корне ошибочной наступательную стратегию союзников на этот год. В Большой Игре, участниками которой мы являемся, расклад сил на данный момент таков, что проигрывает в этом году тот, кто сделает первый ход. Если при большом наступлении фронт не будет прорван, а он прорван не будет, попомните мое слово, то это самое наступление превратится в бойню, в мясорубку, масштаб потерь в которой всколыхнет именно ту страну, которая понесет чудовищные потери без видимого результата. Военная катастрофа неизбежно приведет к волнениям в тылу, что, на фоне общих революционных настроений во всех воюющих странах, чревато очень большими потрясениями, вплоть до падения правительств, переворотов и даже

начала гражданской войны. И контрудар со стороны ранее оборонявшегося противника может окончательно опрокинуть деморализованную державу, которая сделала тот роковой первый ход, обернувшийся катастрофой.

Генерал тут же возразил:

– Прошу меня простить, ваше величество, но и затягивание войны еще скорее может обернуться катастрофой. Слишком велика усталость от войны, слишком быстро падает дисциплина во всех воюющих армиях, а миллионы вооруженных озлобленных солдат – это не шутки для любого правительства.

– То есть вы считаете, что простое сидение в окопах более опасно для морального духа, чем бессмысленная мясорубка?

– Нет, государь, но победоносное наступление всегда поднимает боевой дух войск.

– Победоносное – да. Но весь 1916 год стороны несли чудовищные потери без явного результата. Что как раз и привело к резкому росту антивоенных настроений и падению дисциплины в войсках.

– Тем не менее Антанта получила стратегическое преимущество в ходе прошлогодней кампании, подорвав силы центральных держав настолько, что они уже не имеют сил на крупные наступления ни на одном из фронтов, где требуется прорывать эшелонированную оборону. Точнее, ни на одном из участков фронта центральные державы не смогут сконцентрировать сил, достаточных для прорыва хорошо укрепленных позиций на достаточную глубину, критически не оголив при этом другие фронты. А попытайся они это сделать, это сразу же приведет к наступлению Антанты на оголившимся участкам.

– На наступление – да, сил и центральных держав нет, но на сидение в обороне – вполне. К тому же не мне вам рассказывать, что у находящейся на крепкой оборонительной позиции армии моральный дух падает медленнее, чем у противника, который раз за разом штурмует серьезные укрепления безо всякого результата, оставляя при этом горы трупов на подступах к вражеским окопам. В какой-то момент очередное прибывшее подкрепление откажется идти в самоубийственную атаку. И вы сами знаете, что будет дальше. Это верно и для англо-французских войск, и уж куда вернее для русской армии в нынешнем ее состоянии. Это будет бессмысленная бойня, которая приведет к обрушению всего нашего фронта из-за массового отказа войск идти в наступление и контрударов германцев. На контрудары в образовавшиеся прорехи у немцев сил хватит даже без переброски войск с французского фронта. К тому же, Василий Иосифович, не мне вам рассказывать о катастрофическом для нас соотношении количества орудий, особенно тяжелых, химических зарядов, пулеметов, аэропланов, танков и броневиков, автомобилей, тракторов, прочих тягачей между Россией и центральными державами. Итак, мы не можем наступать, мы не можем не наступать, мы не можем даже хлопнуть дверью в ответ на открытое вмешательство союзников в наши внутренние дела и явно враждебные действия, направленные на свержение законной власти в России. А это значит, что мы будем обвинены союзниками при любом развитии событий. Никакие оправдания их не устроят. Нашими союзниками мы поставлены в ситуацию, при которой каждый наш шаг ведет к ухудшению нашего положения. В шахматах это называется цугцванг, не так ли? Мы, конечно, не попали в главную ловушку и избежали революции в России, но партия не закончена, и любой вариант ее развития ведет нас к проигрышу. Участие в наступлении Нивеля, с любым результатом этого наступления, в итоге приведет к обвинению и потерям России. Наше наступление на Восточном фронте сейчас однозначно приведет к катастрофе. Отказ от наступления приведет к обвинению в предательстве. Забавное положение, вы не находите?

Главковерх Действующей армии хмуро кивнул.

– Да, государь, смею заметить, что ситуация препаршивая. Как говорится, куда ни кинь – всюду клин.

– Хорошо, генерал, вопрос вам как профессионалу: можем ли мы выполнить требования союзников об одновременном с Нивелем наступлении? Сможет ли русская армия в нынешнем состоянии прорвать германский или австрийский фронт, если наступление начнется в ближайший месяц?

– Маловероятно, если смотреть на вещи трезво. Наступление захлебнется, будут огромные потери, и как бы все не обернулось революцией в тылу.

– А каков шанс, что Нивелю удастся прорвать фронт на достаточную стратегическую глубину, настолько, чтобы принудить Германию запросить мира?

Гурко сделал неопределенный жест. Кивнув, продолжаю:

– А я вам скажу – таких шансов нет, даже если мы ударим на своем участке фронта одновременно с союзниками. Нивелю даже не удастся повторить Луцкий прорыв генерала Брусилова, поскольку немцы не австрияки, а о наступлении Нивеля знает каждый официант в Париже. И уж конечно о нем знают в Берлине. Германцы прочно засели и засели не в чистом поле, а на хорошо укрепленных позициях Линии Гинденбурга, с возможностью покидать свои позиции и быстро занимать подготовленные рубежи второй и третьей линии обороны. А на первой линии в капонирах и блиндажах останутся пулеметные расчеты, которые невозможно выкурить никакой артиллерийской подготовкой. И повторятся катастрофы Вердена и Соммы. Сотни тысяч погибших в результате кинжального пулеметного огня. Горы трупов и нулевой результат. Ну, если не считать подготовленного германцами контрудара. И удар этот будет предельно мощным. У немцев просто нет другого выхода. Революции в России не случилось, русский фронт не рухнул, а потому только выбивание из войны Франции может спасти Германию. На карту поставлено всё. Русская армия сейчас ослаблена и не готова к большому наступлению, а англо-французы в результате военной катастрофы будут предельно измотаны и не смогут оказать серьезного сопротивления. Тем более что кроме наступления Нивеля у немцев не будет другого шанса на победу в обозримом будущем. Впереди только вступление в войну США и удушение Германии и центральных держав.

Я внимательно посмотрел в лицо Гурко.

– Генерал, пришло время трезвых оценок и сложных решений. Скажу больше – решений рискованных и граничащих с авантюрой. Но, признаться, других вариантов я не вижу. Итак, союзники отказываются внимать голосу разума и сами идут в ловушку, давая германцам шанс переломить ситуацию и выиграть эту войну. Наступление Нивеля закончится катастрофой, и очень велик шанс, что мы вскоре окажемся на континенте один на один с германской военной машиной. И шансов победить в этом противостоянии у нас немного. У вас есть возражения против этого утверждения?

– Никак нет, ваше императорское величество!

– Нам нужно время для приведения армии и тыла в порядок, и нам не нужно, чтобы Франция вышла из войны, дабы не остаться с германцами один на один, так?

– Так точно, государь!

– В сложившихся правилах игры мы этого сделать не можем. Значит, к черту правила!

Гурко аж вздрогнул от моего внезапного восклицания. Я же продолжил рубить рукой воздух.

– К черту правила, которые ведут к поражению! Меняем правила и меняем условия игры! Не можем предотвратить катастрофу Нивеля? Давайте не допустим наступления! Сами не можем наступать из-за слабости? Найдем этому благородное обоснование! К черту условности! Народы хотят мира? Мы объявляем мирную инициативу! Предлагаем всем объявить перемирие на фронтах и сесть за стол переговоров. В качестве жеста доброй воли и в качестве первого шага мы в одностороннем порядке объявим: «Сто дней для мира». Сто дней, в ходе которых русская армия не будет предпринимать наступательных операций ни на одном из фронтов, если на нас не нападут. Мы призовем все остальные воюющие страны объявить

свои «Сто дней для мира» и присоединиться к нашим усилиям по урегулированию военного конфликта за столом переговоров!

Генерал ошарашенно смотрел на меня.

– Простите, государь, но это никого не устроит. Франции нужен Эльзас и Лотарингия, Британии нужно уничтожить германскую военную машину и экономику, устранив таким образом конкурента, США слишком много уже вложили в перевооружение, и дельцы с Уолл-стрит не обрадуются такому повороту событий, а сама Германия не согласится на перемирие, поскольку это не решает ни один вопрос, из-за которых она вступила в войну, да и, как вы сами сказали, для них перемирие ведет к удушению. Австро-Венгрия же без победы вообще может рухнуть под натиском национальных революций. Так что наш призыв, как и другие призывы до этого, не приведет ни к чему и повиснет в воздухе глупой шуткой.

Я усмехнулся.

– Ну, шутка не такая уж и глупая. Подумайте сами, генерал. Да, мирные инициативы уже были и, как вы правильно сказали, просто повисли в воздухе. Мирные инициативы выдвигал мой брат Николай, но все знали о его пацифизме и не обратили внимания на пустые разговоры и благие пожелания, поскольку, как опять-таки вы правильно сказали, мир никому не был нужен. Перемирие предлагала Германия, но союзники сочли это просто проявлением слабости и признаком того, что сил у немцев почти не осталось. Подготовка наступления Нивеля стала ответом на эти предложения. Выдвигая же подобную шутку сейчас, мы не занимаемся абстрактным пацифизмом и вздохами, а решаем вполне конкретные задачи, причем свои задачи. Во-первых, мы подводим базу под наш отказ наступать. Мы не просто не можем наступать по причине слабости, а мы отказываемся наступать из любви к миру и желанию прекратить всемирную бойню. Во-вторых, объявляя об этом, мы выводим из-под удара Русский экспедиционный корпус во Франции, поскольку он уже не будет принимать участие в наступлении. Дабы не было лишних претензий и обвинений, мы заранее уведомляем союзников об этом и говорим о готовности корпуса исполнить свой союзнический долг, но в обороне, заняв один из участков фронта, где не будет наступления, высвободив таким образом французские или британские части. В-третьих, мы успокаиваем напряжение в наших войсках и отбираем у революционных агитаторов хлеб, фактически возглавив борьбу за мир во всем мире. В конечном итоге мы получаем время на перегруппировку и наведение порядка, мы успокаиваем напряжение в общественной жизни России, и мы подкладываем свинью всем остальным. Дело в том, что все прошлые мирные инициативы о мире не имели реального продолжения, оставаясь лишь благими пожеланиями. Мы же вместе с инициативой делаем ход, объявляя «Сто дней для мира». И на этот ход нужно будет как-то реагировать, поскольку это меняет весь расклад сил на фронтах.

– Но, государь! Такое заявление будет очень тяжело воспринято и в России, и у союзников, в особенности у союзников! Многие назовут это актом предательства! В глазах всего цивилизованного мира мы станем изгоями, которые нарушили свои обязательства!

– В условиях того, что вчера толпа чуть было не сожгла британское посольство в Петрограде, это утверждение в России несколько устарело. Что касается остального, то наши так называемые союзники только что пытались зарезать Россию как свинью, холодно и расчетливо. Вы читали документы по данному делу. Несколько попыток устроить революцию, несколько покушений на меня и на Николая. О какой чести вы говорите? О каком предательстве? Нас просто используют и использовали. Как там сказал лорд Палмерстон, британский премьер? «У Англии нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг...» Так почему же мы ведем себя, как та глупая лошадь, которую другие ведут на бойню? Более того, только мирная инициатива может сбить накал межгосударственных противоречий между Россией с одной стороны и Францией, и Британией – с

другой. Пока дипломаты будут официально надувать щеки, высокопарно рассуждая о поисках мира, мы сможем неофициально порешать наши проблемы с союзниками.

Генерал сделал последнюю вялую попытку возразить.

– Но, государь, если мы объявим о том, что не будем наступать сто дней, то германцы просто снимут лишние дивизии с нашего фронта и отправят их на Запад.

– И вам что с того? – пожал я плечами. – Переживаете за союзников? Напомнить вам еще одно высказывание лорда Палмерстона? «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет». Россия много лет таскает для других каштаны из огня, пока союзники воюют до последнего русского солдата. Может, пришла пора поменяться ролями? Лично меня вполне устроит, если немцы, французы и англичане будут долго и с наслаждением резать один другого на Западном фронте. Чем больше они подорвут мощь друг друга, тем лучше для нас. Василий Иосифович, нам всем давно пора усвоить мысль, что все из того, что мы хотим получить по итогам войны, мы получим только при обеспечении двух условий: мы все, что нам нужно, захватываем своими силами, и никто, ни враги, ни союзники, не могут нас принудить это потом отдать. Мы хотим Проливы, обещанные нам союзниками по итогам Петроградской конференции? Прекрасно. Но их сначала нам нужно взять, а потом суметь их удержать. А это возможно только при сильной России и при слабых всех остальных заинтересованных сторонах, включая Германию, Францию и Британию. Так что я не стану возражать против мясорубки на Западном фронте.

– А Русский экспедиционный корпус?

– Я надеюсь, что нам так или иначе удастся вывести его из-под удара. Честно говоря, я смею предположить, что после объявления наших «Ста дней для мира» есть реальный шанс убедить союзников сдвинуть наступление Нивеля на три месяца, мотивируя тем, что в июле мы будем готовы ударить со своей стороны. Должны же понимать в Париже и Лондоне, что немцы реально могут перебросить часть дивизий с нашего фронта, а значит, шансов прорвать германскую оборону у Нивеля будет еще меньше. За три месяца центральные державы еще ослабнут, там у них и так, как вы знаете, практически голод и острейшая нехватка всего, включая рабочие руки. Хотя, разумеется, риск велик, но выхода у нас нет все равно, поскольку при всех других вариантах мы однозначно проигрываем. А что касается дальнейших планов, то мне представляется разумной следующая стратегия. Все наши фронты от Балтики до Черного моря должны перейти в глухую оборону, не только не предпринимая наступательных операций, но и полностью сосредоточившись на укреплении оборонительных рубежей и создании новых линий укрепленных позиций в тылу означенных фронтов. Наши фронты должны быть готовы к внезапному удару немцев и австрийцев в любом месте, хотя позволю себе выразить мнение, что в ближайшие два-три месяца крупных наступательных операций против наших войск не произойдет. Но это мое мнение, вы же, как Верховный главнокомандующий Действующей армии, должны быть готовы к любому развитию событий. По существу, генерал, нам нужно вернуться к вашему собственному плану и перенести активность на юг и юго-запад. Именно направления на Болгарию и Турцию станут в новой стратегии определяющими. Мы должны готовить резервы и создавать кулак, которым, когда наступит благоприятный момент, нанесем удар. Наша цель в этой войне обозначена – контроль над Проливами. Задача минимум – договор о свободе судоходства для нашего торгового флота, обеспечение контроля над выходом в Черное море любых военных кораблей любых держав и возможность такому выходу действительно воспрепятствовать, прикрыв таким образом наше черноморское побережье и плодородный юг империи. Задача же максимум – присоединить к России европейскую часть Турции и достаточной ширины полосу вдоль Проливов в ее азиатской части, с тем, чтобы русские военные корабли и торговые суда имели беспрепятственный выход в Средиземное море. Так что «Сто дней мира» нам дадут возможность провести перегруппировку для дальнейшего броска на юг. Это цель, ради которой стоит играть в эти игры дальше. Никаких других целей в Европе у нас нет. Во всяком случае, никакие территориальные приобрете-

ния западнее довоенных границ нам не нужны. И я не вижу резона проливать там реки крови русских солдат, бросая их в самоубийственные атаки за чужие интересы.

– Но, государь, довольно значительная часть российской территории в настоящее время оккупирована германцами, – возразил Гурко, – и не похоже, чтобы немцы горели желанием оттуда уходить. А выбить их без крупных наступательных операций не представляется возможным.

Я усмехнулся.

– Войны не всегда выигрываются на полях сражений, генерал, и бывают ситуации, когда вражеские войска вынуждены уйти, не сделав при этом ни одного выстрела.

*Петроград. Казармы Лейб-гвардии финляндского запасного полка.
7 (20) марта 1917 года*

Когда наконец завершилась церемония присяги, полковник Слащев вновь обратился к замершему в строю воинству:

– Сегодня вы отправляетесь на фронт. Верю, что не посрамите вы честь русского солдата и доблестно сразитесь с неприятелем, покрыв знамя полка неувядаемой славой. Но прежде чем мы отбудем на погрузку, я хочу сказать вот что: мне нужны добровольцы, желающие пройти обучение и воевать дальше в составе ударных батальонов. Говорю сразу, придется пройти жесткий отбор и останутся не все, но те, кто останется, примут участие в самых славных боях этой войны. Это я вам обещаю...

– Вот сука, – услышал Иван Никитин злобное шипение справа от себя, – подвел нас под монастырь, а теперь на фронт! Сам туда езжай, тварь продажная! А я под фронт не подписывался!

– А присягу ты зачем принимал? – сквозь зубы поинтересовался Иван, покосившись на стоящего рядом Андрея Попова.

– Плевал я на присягу. Не будь тут броневиков с пулеметами, шиш бы я присягал! Ничего, ночка длинная, найду, где извернуться...

– Это измена, за это расстрел или каторга полагаются.

– Дурень ты, Ваня. По тылам миллион дезертиров шатается. Руки у них коротки всех похватать. Им только дураки попадают. А ты что же, пойдешь на фронт? Не дури! Пошто за них-то погибать? Двигаем со мной вместе, я знаю надежные ухоронки, там и одеждой разживемся и документами.

Иван старался не слушать голос искусителя, сосредоточившись на выступлении полковника Слащева, но бес сомнения нашептывал и нашептывал вместе со свистящим шепотом Попова.

– У меня есть верные люди на примете. Правду говорю. Настоящие заговорщики, не то что этот хлыщ. Им как раз вот такие, как мы, очень пригодятся. Решайся!

– ...добровольцы, выйти из строя!

– Решайся!

И внезапно, повинувшись какому-то импульсу, Иван решился. И сделал три шага вперед.

– Ой, дурак! – донеслось сзади.

И Никитин не знал лишь размер той дури, на которую он сейчас подписался. Но шагать назад было уже поздно.

Глава II. Начало большой игры

Петроград. Зимний дворец.

8 (21) марта 1917 года

– Проследите за тем, чтобы все директивы в Париже и Лондоне были выполнены неукоснительно и точно в оговоренные сроки.

– Все будет исполнено в точности, ваше императорское величество.

– Теперь касаясь собственно самого послания в Лондон и Париж. Нота нашего правительства, – я взглянул на стоящего рядом со Свербеевым Нечволодова, – правительству Великобритании и Франции должна отражать следующие тезисы. Первое. Мы выражаем решительный протест, требуем объяснений и официальных извинений за действия сотрудников дипломатических миссий этих государств, выразившиеся в подстрекательстве к свержению законной власти в России, а также в участии в заговорах, ставивших целью совершение государственного переворота в Российской империи. Такие действия плохо сочетаются с сердечными отношениями между нашими странами, а также с существующими союзническими обязательствами. Наше правительство не хотело бы верить в возможное участие официального Лондона и официального Парижа в этих событиях, однако данное дело требует самого тщательного расследования. Высочайший следственный комитет готов оказать союзникам всю возможную помощь в расследовании вероятного прогерманского заговора, который мог быть организован агентами германской разведки, внедренных на высокие государственные и военные посты в страны Сердечного Согласия. Правительство Российской империи с пониманием отнесется к оглашению возможных сведений об участии в заговорах не только подданных союзных держав, но и подданных российского императора. Мы настаиваем на скорейшем расследовании и публичном оглашении результатов такого разбирательства, поскольку сведения о раскрытии этих заговоров оставили тяжелейшее впечатление в русском общественном мнении, что грозит резким усилением антивоенных и антисоюзнических настроений в России. Так, Александр Дмитриевич?

Премьер Нечволодов поклонился.

– Точно так, государь.

– Так, теперь второе. Правительство Российской империи благосклонно воспримет известие о решении правительства Великобритании лишить консула Локхарта дипломатического иммунитета для возможности вынесения ему обвинительного приговора наряду с другими подданными Соединенного Королевства, которые будут осуждены по окончании расследования их участия в заговорах против законной власти Российской империи. Этот вопрос желательно решить самым срочным образом, поскольку суд состоится в самое ближайшее время и казнь действующего дипломата омрачит и без того осложнившиеся отношения между нашими державами. Корректность формулировок я оставляю на ваше усмотрение, Сергей Николаевич.

Министр иностранных дел кивнул.

– Да, государь.

– Третье. Действия подданных Великобритании и Франции и их роль в февральских событиях и мартовском заговоре нанесли Российской империи колоссальный военный, экономический, политический и моральный ущерб. Общество взбудоражено, армия и флот дезорганизованы, финансовые потери от потрясений колоссальны. В таких условиях Россия вынуждена пересмотреть согласованный с союзниками план военной кампании на 1917 год. В настоящее время вследствие событий февраля – марта русская армия имеет ограниченную боеспособность и наступать не может. Меры по восстановлению управляемости в войсках и в тылу принимаются, но и правительству, и Верховному главнокомандованию требуется время для наведения порядка в империи и на ее фронтах. Однако восстановление порядка осложня-

ется последствиями заговоров и мятежей, растет пацифизм в обществе, все шире распространяется практика братаний на фронте, лозунги о мире находят все больший отклик. Игнорирование данных фактов и тенденций приведет Россию к революции и, как следствие, к полному хаосу. Будет излишним указывать на то, кто больше всех выиграет от такого развития событий. Тем более что в случае дезорганизации и хаоса на русском фронте центральные державы смогут высвободить все те силы, которые сейчас удерживаются на Восточном фронте. Правительство Российской империи старается делать все возможное для недопущения катастрофического для дела союзников развития событий, однако в данном вопросе России требуется содействие и действенная помощь союзников по Антанте.

Я замолчал, глядя на Дворцовую площадь. Через нее одна за другой ехали телеги со строительными материалами для ремонта Зимнего. Устало потеряв переносицу, продолжил:

– Для преодоления кризиса в управлении и восстановления боеспособности считаем необходимым настаивать на следующем. Во-первых, союзники должны официально отмежеваться от враждебных России действий своих подданных. Во-вторых, между Россией и союзными державами подписывается соглашение, в котором Великобритания и Франция официально признают исключительные права Российской империи на европейскую часть Османской империи и стокилометровую зону в азиатской части страны на всем протяжении Проливов от Босфора до Дарданелл, а также на все территории в Малой Азии, которые будут находиться под контролем русской армии на момент заключения мира. Все эти территории должны войти в состав Российской империи по итогам мирного договора. Данная договоренность должна быть оглашена публично и, безусловно, не должна подлежать пересмотру по итогам войны. Это официальное соглашение позволит резко поднять уровень патриотических настроений в России и в особенности в русской армии и на флоте.

– Они никогда на это не согласятся. – Нечволодов усмехнулся в усы.

– И это еще не все. Для успешного продолжения войны и победоносного ее завершения нам необходима пауза в наступательных действиях, вызванная необходимостью перегруппировки сил, устранения с линии фронта неустойчивых частей и подтягивания резервов. Посему представляется невозможным участие русских войск в любых наступательных операциях на всех фронтах мировой войны в ближайшие два-три месяца, включая части Русского экспедиционного корпуса во Франции и на Салоникском фронте. Правительство Российской империи надеется на понимание со стороны союзных держав необходимости подобных действий и деклараций со стороны России. Российская держава остается верной союзническим обязательствам и полна решимости довести войну до победного конца. Однако последствия февральских событий и мартовского заговора не оставляют нам других вариантов, кроме действий, означенных выше. – Я на несколько мгновений замолчал, формируя мысль, а затем продолжил надиктовывать Свербееву тезисы: – Итак, пятое. Для скорейшего преодоления кризиса и восстановления боеспособности правительство России поднимает перед союзниками вопрос о расширении поставок вооружений и боеприпасов для русской армии, а также об оказании нашей империи всемерной технической помощи. Правительство Российской империи рассчитывает на понимание со стороны союзников и на положительную реакцию на данные инициативы. Просим правительства союзных держав оперативно отреагировать на наши предложения и дать ответ не позднее чем через пять дней.

– По существу это ультиматум. – Нечволодов переглянулся со Свербеевым. Тот кивнул.

– По существу это так и есть, – согласился я. – Если нет вопросов, то все свободны, господа. Александр Дмитриевич, я жду вас вечером.

Они поклонились и направились к выходу. Уже в дверях Свербеев повернулся и, кашлянув, спросил:

– Прошу простить мою дерзость, ваше императорское величество, можно задать вопрос?

– Задавайте ваш вопрос, Сергей Николаевич.

Тот помялся пару мгновений, но все же спросил:

– Мой предшественник на этом посту... Простите, правда, что господин Милюков арестован?

Я смерил его долгим взглядом и, наконец, ответил:

– Да, это так. Господин Милюков арестован по обвинению в государственной измене и участии в заговоре против императора. Его вина подтверждена показаниями участников заговора, в том числе и англичанами.

Свербеев поклонился.

– Благодарю за ответ, ваше императорское величество!

– И вот еще что, Сергей Николаевич. Даже если бы господин Милюков в заговоре не участвовал, то я бы все равно отправил его в отставку. Хотите знать почему?

Министр вновь поклонился.

– Да, ваше императорское величество.

– Все очень просто. Мне не нужен на этом посту человек с явными англофильскими взглядами. – Я сделал паузу и с нажимом уточнил: – Вы меня понимаете?

Тот вновь поклонился и, получив мое дозволение, покинул кабинет. А я еще несколько минут размышлял, глядя на дверь, которая закрылась за министром иностранных дел Российской империи тайным советником Свербеевым Сергеем Николаевичем, последним послом России в Германии...

Петроград. Набережная Невы.

8 (21) марта 1917 года

– Господин полковник!

Идущий по набережной военный резко обернулся на знакомый голос и удивленно воскликнул:

– Саша! Как ты здесь?

Двое тепло обнялись. Затем старший отнял от себя младшего и всмотрелся в его лицо.

– Все в порядке? Ты не по ранению здесь? Почему писем не пишешь, паршивец ты эдакий?

Младший покачал головой:

– Нет, по служебной надобности здесь. А ты-то как? Что дома? Все ли здоровы?

– Дома был вот, ездил в отпуск по случаю ранения. – Заметив готовый сорваться вопрос, полковник поспешил добавить: – Да нет, не волнуйся, так, ерунда, царапина. А потом вот, в Питер заехал, наших из полка в госпиталях проведать.

Затем старший обратил внимание на одежду брата и присвистнул:

– А почему ты в штатском, Александр? Тебя разжаловали? Или что случилось?

– Имею честь быть прикомандированным в распоряжение министра иностранных дел. Так что нам, дипломатам, фрак более к лицу, – попытался отшутиться Мостовский-младший.

– Ты сейчас откуда и куда?

Александр Петрович посерьезнел.

– На самом деле, Николай, я уезжаю сегодня. За границу. Куда и зачем, не имею права сказать.

– Так, хранитель секретов, ты мне одно скажи – это опасно?

– Нет, что ты, это просто рядовая поездка. На воды, так сказать.

– Понятно, – помрачнел старший Мостовский. – Значит, опасно.

– Можно подумать, – пожал плечами младший, – что в окопах безопасно было.

– Кстати об окопах, – спохватился Николай, – а как так получилось, что фронтовой штабс-капитан оказался в роли дипломата, да еще и идет со стороны Зимнего? Только не говори, что ты просто шел мимо!

– Так вот, не поверишь, – рассмеялся Александр, – но действительно шел мимо. Точнее – прогуливался. Просто я жду одного человека. Так что я просто шел на мост, посмотреть виды столицы, а заодно видеть набережную, чтобы не пропустить его ненароком.

Николай Петрович покачал головой.

– Его? Эх, а я уж думал, что у тебя свидание с дамой.

– Увы, брат, увы. Это просто служебная встреча.

Они дошли до середины моста и оперлись на парапет. Зима уходила из Петрограда. Снег почернел, а Нева явно начинала набухать, готовясь к ледоходу.

– Да, Господь явно на стороне нашего государя, – покачал головой Александр Петрович. – Видишь, брат, реку? Вот по этому льду, третьего дня, наш государь во время мятежа, ночью перешел вместе с генералами Кутеповым и Климовичем с того берега вон туда, к казармам Преображенского полка. Если бы шли сегодня, могли бы и не дойти. Впрочем, ночью вообще нельзя ходить здесь по льду, то трещина, то полынья, то еще какое-нибудь невидимое в темноте непотребство. И как они не провалились? Нет, точно император наш родился под счастливой звездой!

– М-да... – протянул полковник, заглядывая вниз с моста. – Тут и днем ходить страшно уже. А чем мост знаменит?

– А на мосту этом, вот как раз, где мы с тобой стоим сейчас, стоял в ночь мятежа наш государь Михаил Александрович. Стоял, не прячься и не хоронясь ни от кого. А мятежники, искавшие его, прошли колонной в нескольких шагах от него, и никто, никто, брат, не заметил его! Две полновесные роты прошли, и никто не увидел!

– Да уж, – покачал головой Николай Петрович, а затем показал на изувеченный Зимний дворец. – Так это государя пытались взорвать?

– Его, – кивнул капитан. – Но опять мимо.

Братья помолчали. Стояли и смотрели на почерневшие от пожара стены Зимнего дворца. Александр задумчиво проговорил:

– Вот так, вероятно, выглядит сейчас вся Россия – пострадавшая, местами обгоревшая, местами даже разрушенная, но все равно восстанавливающаяся и возрождающаяся. Ты знаешь, я никогда не был монархистом, и мы с тобой частенько ругались на сей счет. Но хочу тебе сказать, что боюсь даже предположить, как бы повернулась история России, если бы император не дошел до того берега.

Он замолчал, глядя на императорский штандарт над Зимним дворцом. Флигель-адъютант Мостовский сегодня впервые увидел государя после его восхождения на престол. Идя на Высочайшую аудиенцию, Александр Петрович гадал, как изменился император за прошедшее время. Ведь хоть и прошло совсем мало дней с тех пор, но столько всего случилось в его жизни: и принятие короны, к которой, а в этом Мостовский был почему-то уверен, нынешний государь совершенно не стремился, и подавление двух мятежей, и покушения, и гибель жены от рук каких-то мерзавцев из взбунтовавшегося Волынского полка. Ведь еще десять дней назад в жизни нынешнего императора ничего этого не было. Каков он теперь, новый государь Всероссийский? Как изменился за это время? К добру ли?

Михаил Второй встретил его тепло, справлялся о делах в Ставке, о настроениях, о прочих текущих вопросах, а флигель-адъютант Мостовский вглядывался в бледное и осунувшееся лицо императора, искал и боялся найти тот слом, который мог произойти в этом решительном и стремительном человеке. Во всяком случае, десять дней назад тогда еще штабс-капитан Мостовский запомнил его именно таким.

И к своему облегчению, Мостовский не находил в глазах безразличия, апатии или отчаяния. Взгляд был хоть и уставший, но живой и заинтересованный.

– Ладно, расскажи хоть, как ты очутился в Петрограде? – спросил Николай Петрович брата, когда молчание затянулось. – Как ты встрял во всю эту историю?

Александр Петрович пожал плечами.

– Знаешь, я сам пока не до конца понимаю, как здесь очутился. Бывают в жизни такие ситуации, когда ты словно попадаешь в бурную реку и тебя начинает нести стремительный поток. Несет он тебя очень быстро, ты пытаешься что-то предпринимать, но тебя от этого начинает нести еще быстрее, а ты, чтобы не захлебнуться, начинаешь активнее махать руками, пытаешься уцепиться за что-то, и ты вдруг оказываешься в этом потоке не один, и спасти себя можешь, только спасая кого-то, и этот кто-то очень важен для тебя, и ты готов спасти его даже ценой своей жизни...

Мостовский-старший понимающе усмехнулся:

– А потом выползаешь на берег и видишь, что ты уже во фраке и прогуливаешься по столичным паркетам?

Младший кивнул.

– Да примерно так и было.

– Ясно. – Полковник Мостовский внимательно посмотрел на младшего брата. – И куда теперь?

– За границу.

– На воды, значит? – усмехнулся Николай Петрович.

– Да-с. Пришло время съездить на отдых, сменить, так сказать, климат.

– Понятненько, – хитро подмигнул полковник, а затем сразу посерьезнел. – Когда едешь?

– Сегодня. Так что пора мне. Что-то не идет мой человек. Ждать уже невозможно.

– Понимаю, здоровье оно прежде всего, и оно требует соблюдения плана лечения. Что ж, младший, я горжусь тобой – отдых на водах за рубежом, да еще и в разгар Великой войны! Ведь это именно то, что ты сможешь рассказать внукам! Так что подлечись там как следует и как подобает. И пусть результаты твоего лечения не разочаруют государя!

И иронично улыбаясь, старший брат, тем не менее, искренне и крепко обнял младшего, напутствуя его на дальнюю дорогу.

Петроград. Зимний дворец.

8 (21) марта 1917 года

– Итак, Александр Павлович, вам надлежит сдать должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и передать дела вновь назначенному на эту должность генералу Корнилову.

Кутепов склонил голову.

– Слушаюсь, государь.

Едва заметная тень промелькнула на лице генерала. Он явно разочарован, явно видел себя на этом посту. Обойдется. У меня на него совсем иные виды. А Корнилов... Что ж, посмотрим на Лавра Корнилова в этом варианте истории и узнаем, что было большей правдой – то, что он прожженный карьерист, готовый идти наверх по головам (чужим), или он и вправду такой, типа республиканец с наполеоновскими замашками. Впрочем, для моих целей подходят оба варианта.

– А с этого места слушайте меня очень внимательно. Сегодня я подписываю Повеление о назначении вас помощником командующего Императорской Главной Квартирой. По факту, ввиду отсутствия командующего, вы будете исполнять эту должность. Как вы знаете, для назначения на эту должность генерал должен быть в чине генерал-лейтенанта или полного генерала. Поэтому пока будете помощником без командующего. А там, даст Бог, если все будет нормально и вы справитесь, то и за новым чином дело не встанет. Вы меня понимаете?

– Да, государь. – Кутепов вновь склонил голову. – Что от меня будет требоваться?

– Много чего. Я собираюсь полностью реорганизовать работу этого ведомства, наполнив его декорации реальными функциями. Не будем плодить сущности, будем максимально выжимать из того, что есть.

Я взял со стола папку и просмотрел записи.

– Итак, Александр Павлович, как вы, вероятно, осведомлены, Императорская Главная Квартира – это орган императорского оперативного управления, подчиненный лично мне, выполняющий только мои поручения, отчитывающийся и отвечающий исключительно передо мной. Фактически речь идет о моем личном аппарате управления государством и армией. Мои глаза и уши, мой голос, мои длинные руки и, если потребуется, мой карающий меч. Этот орган должен обеспечить меня возможностью получать независимую информацию, обеспечивать меня независимым анализом событий, готовить рекомендации по решению проблем, обеспечивать возможность доведения моих повелений до исполнителей любого уровня и возможность прямого вмешательства в события вне зависимости от любых министерств, ведомств, структур и органов власти. События последних недель продемонстрировали, что император должен иметь возможность преодолевать любую злую волю, любую информационную или физическую блокаду, любой заговор и должен иметь возможность отдавать непосредственные приказы верным людям и верным войскам. И если в нормальной ситуации вмешательство в события со стороны Императорской Главной Квартиры будет номинальным и демонстративно канцелярским, то в случае возникновения кризиса именно от ее работы будет зависеть судьба государства.

Я посмотрел в глаза Кутепову. Тот твердо выдержал мой взгляд и лишь коротко кивнул.

– Да, государь.

– Ваши непосредственные обязанности. Первое – доводить до лиц, входящих в состав Императорской Главной Квартиры Высочайшие повеления. В состав Императорской Главной Квартиры входят все генерал-адъютанты, генерал-майоры и контр-адмиралы Свиты, генералы при Высочайшей Особе, флигель-адъютанты, штаб-офицеры и прочие чины Императорской Главной Квартиры, а также Собственный мой Конвой, Собственный железнодорожный и Собственный сводный пехотный полки. Второе – отдавать все необходимые распоряжения, касаемые Высочайшего путешествия, включая мое пребывание в загородных резиденциях и местах отдыха. Третье – объявлять по моему поручению Высочайшие повеления всем лицам, коих эти повеления касаются, включая министров, главноуправляющих, главнокомандующих, а также, при необходимости, всем прочим лицам и органам. Четвертое – представлять мне во время путешествия всех лиц, прибывающих с Высочайшим докладом. Пятое – если не поступает иного повеления, исполнять обязанности дежурного генерала при моей Особе. Шестое – в вашем распоряжении будут все секретные шифры для сношений с министерствами, ведомствами и военными инстанциями. Седьмое – осуществлять непосредственное руководство отделами и канцеляриями Императорской Главной Квартиры. Полный перечень ваших обязанностей и прав изложен в этой папке, благоволите получить.

Кутепов принял папку, но открывать не стал, продолжая стоять по стойке смирно.

– Дозволите ознакомиться, государь?

– Дозволяю. Пока вы изучаете ее содержимое, я вкратце продолжу. В составе Главной Квартиры будут такие отделы. Первый отдел – полевая государственная канцелярия, обеспечивающая мою связь с правительством, министерствами и ведомствами, а также связь с губернаторами. Второй отдел – военно-полевая канцелярия, обеспечивающая мою связь с Военным министерством, Морским министерством, Генеральным Штабом, Ставкой, главнокомандующими фронтами и флотами, командующими армиями, флотилиями и корпусами, главнокомандующими военными округами, а также Министерством вооружений и Министерством путей сообщений. Третий отдел – связь с лицами, входящими в состав Императорской Главной Квартиры, включая вопросы организации Высочайших докладов, подорожных и охран-

ных грамот и прочих необходимых мероприятий. Четвертый отдел – ситуационный центр, в который стекается вся оперативная информация из первых трех отделов, а также из других структур, таких, к примеру, как РОСТА и вырабатывающий рекомендации про принятие мной оперативных решений в складывающейся ситуации. Пятый отдел – центр стратегических исследований, вырабатывающий стратегию и делающий долгосрочные прогнозы. Шестой отдел – отдел кадровой работы, включающий в себя вопросы согласования назначений на военные и административные должности лиц, входящих в Императорскую Главную Квартиру, а также задачу обеспечения меня информацией об основных личностях, на которые завязано принятие решений на уровне империя – губерния, включая государственный аппарат, земства, политические и общественные фигуры, крупный капитал и прочее. Седьмой отдел – Императорский комиссариат, обладающий чрезвычайными полномочиями. Императорские Комиссары действуют от моего имени. Их задача, по моему поручению, прибыть на место любого кризиса и разрешить этот кризис любыми эффективными способами, фактически имея неограниченные полномочия принимать и отменять любые решения, казнить и миловать, поощрять и наказывать. Императорские комиссары получают неограниченную власть, но и несут неограниченную ответственность передо мной лично. За успех буду щедро награждать, а за глупости – жестоко и с выдумкой карать. Подчеркиваю, не за ошибки, от которых никто не застрахован, не за неудачи, которые также могут случаться, а именно за глупость, самодурство и прочие побочные эффекты неограниченной власти. Вы меня понимаете, Александр Павлович?

– Да, государь.

– Прекрасно. Тогда по персоналиям и по структуре вообще я жду вас с докладом послезавтра в Москве. Да, Александр Павлович, завтра мы выезжаем в Первопрестольную. Место в императорском поезде вам зарезервировано.

Петроград. Таврический дворец.

(21) марта 1917 года

Екатерининский зал вновь был полон, и вновь штыки черным ежом вносили свою тональность в общее восприятие исторического момента. Был ли этот момент историческим? Хотелось бы в это верить, иначе я не вижу перспектив.

Да, мне было, что еще им сказать во второй день работы учредительного собрания Фронтового Братства. И я теперь куда более ясно понимаю, на кого мне нужно опереться в моей борьбе, кто станет моим мечом, разрушающим российский гордиев узел.

Глядя на этот ошетилившийся штыками зал, слушая, с каким настроением солдаты поют «Боже, Царя храни!», я кивнул самому себе – да, я – император. Но этого мало, критически мало для спасения России! Я должен быть одновременно и императором, и вождем революции, который ведет за собой десятки, сотни миллионов людей. И, главное, знает, куда ведет, во имя чего он ведет и на что готов ради этого. И имеет значение лишь конечное благо МОЕГО НАРОДА, даже если придется пройти через силу и через кровь, даже если придется идти по головам, ломать через колено, казнить и миловать. Что ж, я не гуманист и никогда им не был. Я не общественный деятель и не политик. Я – ИМПЕРАТОР. Я – ГОСУДАРЬ РЕВОЛЮЦИИ.

Отзвучали последние слова гимна, и в наступившей тишине я начал говорить.

– Еще совсем недавно император Всероссийский появлялся на публике лишь по официальным поводам, говоря лишь протокольные вещи. Император был лишь символом государства, лишь портретом на стенах, таким же молчаливым, каким является имперский флаг, реющий над государственным учреждением, или орел на императорском штандарте. Но наступает новая эпоха, и император должен не просто быть символом и главой государства, а стать настоящим вождем своего народа. Вождем, который поведет за собой многие миллионы единомышленников по пути к новой России. К той России, в которой каждый из нас мечтал бы жить, и к той России, которую нам с вами вместе предстоит построить.

Обвожу взглядом замерший и ошетилившийся штыками зал. Назначенный шефом моей личной охраны генерал Климович решительно предостерегал меня против выступления сегодня. Ссылаясь на данные МВД, он предупреждал о возможных покушениях на мою жизнь. Но внять голосу разума и генерала Климовича я не мог. Я должен был сказать сегодня то, что собираюсь. Это нельзя сделать завтра, это нельзя доверить страницам газет, этого нельзя было сказать и вчера. Равно как не мог я позволить разоружить это военное полчище. Фронтовики, как сказал бы кто-нибудь из классиков, суровые люди с тонкой душевной организацией и расшатанными нервами, и они прекрасно чувствуют суету, фальшь, дрожание в коленках и панические нотки в голосе. Меня слушают в том числе и потому, что я не только их император, но и потому, что я из того же фронтового теста, что и они сами. Возможно, именно этого и не хватило Николаю в конечном итоге, когда он во время катастрофы не решился опереться на армию, на простых солдат. Они были чужими для него, а он соответственно был чужаком для них. Он мог повелеть идти на войну, мог им приказать умереть, но истинную душу своей армии он никогда не понимал, принимая за чистую монету все эти парады и построения, весь этот пафос приветственных речей и стройность марширующих колонн, весь официоз докладов и показную демонстративную верноподданность генералов, будучи при этом несказанно далеко от своих солдат, как, впрочем, и от своего народа. И когда генералы сказали ему, что все кончено, он и трепыхаться не стал, сразу сдулся. А ведь мог, мог учудить! Мог скрутить всех в бараний рог, если бы не стал прятаться за обстоятельствами, а встретил кризис с ясной головой и бесшабашной решительностью, обратившись к своим солдатам с ясным и близким для них посылом, скажи, пообещай то, что они хотят от тебя услышать. Ведь людям многого не надо. Относись к ним как к живым людям, понимай их стремления и переживания, ешь с ними кашу из солдатского котелка, да так ешь, чтобы не во время Высочайшего показательного визита в часть, а так, как делают это обычно солдаты на войне, спеша ухватить момент между артобстрелами. Покури с ними, ценя каждую затяжку в ожидании приказа самим подниматься в атаку. На пулеметы. Без дураков.

Курить и знать, что этот перекур может стать последним.

И надо отдать должное моему прадеду – невзирая на происхождение и положение, он не прятался по тылам, не чурался простых солдат и в атаку их не посылал, а водил. Лично. И белеющий Святой Георгий на моей черкеске вовсе не за Высочайшее присутствие в прифронтовом районе во время пролета вражеского аэроплана-разведчика в пределах видимости. Может быть, потому меня и слушают сейчас, что мой орден не стал пощечиной всем тем, кто кровью заслужил его.

– Я вчера вам многое обещал, – начал я с горечью в голосе. – Обещал землю, вольности, привилегии и лучшую жизнь. Но скажите мне, откуда возьмется эта самая лучшая жизнь, если мы ничего не делаем для этого?

Зал замер. Такого они не ждали. Я помолчал, а затем заговорил совсем другим тоном:

– На фронте, вечерами после боя, я часто делал то, что делают все солдаты на войне. Я мечтал о той жизни, которая наступит после войны. Когда ты в действующей армии, когда ты на передовой, война здорово прочищает мозги и заставляет взглянуть на прошлую жизнь и на окружающий мир совсем иначе. И тогда приходит понимание того, что важно на самом деле, а что лишь суета сует, пошлость, мишура и фальшь.

Я продолжил после долгой паузы:

– Там, на фронте, видя вокруг себя примеры мужества и доблести, видя, как идут люди на смерть во имя Отчизны, я спрашивал у себя, как так получается, что те, кто населяет нашу славную державу, те, кто являет миру примеры героизма и упорства на фронте и в тылу, живут в такой нищете, перебиваясь с черного хлеба на лебеду? Неужели Россия такая бедная страна? Неужели народ наш не может жить в достатке и процветании? Ленивы ли наши люди, спросил

я себя. И однозначно ответил – нет, наши люди умны и трудолюбивы, обладают всеми добродетелями, включая упорство и терпение. Тогда почему же?

Меня слушали и слушали, затаив дыхание.

– Отчего бедствуют миллионы крестьян? Меня вчера тут вопрошали о земле, и я вам обещал земельную реформу. Знаю, многие волнуются, не забудет ли царь-батюшка о своем обещании, дадут ли землю? Отвечаю: я не забуду и землю дадут. Земельный передел состоится, как я вам и обещал, и сегодня перед вами выступит фронтовик и мой доверенный председатель Совета Министров генерал Нечволодов, который представит основные моменты земельной реформы. Но давайте будем говорить откровенно, даже если мы поровну разделим между пахарями абсолютно всю распаханную землю в государстве, даже если этим разделом будут заниматься сами же крестьяне, то каждый пахарь все равно много не получит, потому что крестьян много, а распаханной земли в России мало. И будет мыкаться на своем участке крестьянин, пытаясь собрать свой скудный урожай, проклиная судьбу и тая в душе обиду на государя, что, мол, обманули с земельным переделом, мало, мол, дали. А больше ведь распаханной годной земли и нет! Велика Россия, а земли мало! И ведь с каждым годом население в России растет, народу становится все больше, а земли на одного крестьянина становится все меньше. Что будем дальше делать? Вновь делить на количество едоков или работников? Так ведь и так уже делить нечего! Что же будем делить через десять лет? Через двадцать? Через пятьдесят? И вновь наступит в России голод и пойдут бунты по всей державе, и закончится все всеобщей гражданской войной, которая массово будет убивать лишних едоков. Такого мы хотим будущего? Впрочем, беда нас поджидает не только в будущем, ведь и сейчас с хлебом плохо, а уж после передела в России настанет совсем беда, и дай Бог, чтобы большинство крестьян сумели прокормить хотя бы сами себя. Почему так, спросите вы? Я вам отвечу – урожайность с десятины упадет еще больше, потому как у большинства крестьян нет достаточного количества лошадей, плугов и прочего инвентаря. Землю обрабатывать просто нечем. И вновь будет крестьянин идти на поклон к богатым соседям и под грабительский процент будут занимать все необходимое, с тем, чтобы отдать крохобору большую часть своего урожая. Так ведь будет, а?

Народ бурно зашумел, соглашаясь.

– Бедствуют не только крестьяне. Бедствуют рабочие, бедствуют миллионы других людей, вдов, сирот, инвалидов. Огромная богатая держава полна бедами и бедствиями, а жизнь народа полна горестями и несправедливостями. Что же делать? Есть ли выход из замкнутого круга, или Россия, словно на ней лежит какое-то проклятие, так и обречена на эти бедствия? А не в том ли наша беда, что каждый у нас сам за себя и лишь Господь один за всех? Но сказал Господь наш, всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. Не оттого ли все беды наши, что лишь ходим мы на службу, а живем не по Божьему закону, только по собственному разумению, думая лишь о себе, о своем достатке, о своих удовольствиях, своих желаниях? Не оттого ли и беден наш народ, что многие пекутся исключительно о своем благополучии, исключительно о том, как бы половчее устроиться в этой жизни? Но еще и оттого живем мы плохо, что мало думаем о завтрашнем дне, довольствуясь днем сегодняшним и сегодняшним куском. – Развиваю тему. – Наш народ угнетен, это правда. Но угнетен он не только какими-то угнетателями, коих и в самом деле хватает. Наш главный угнетатель – наш угнетенный дух, сковывающий наши действия, разъединяющий нас, заставляющий думать лишь о себе. Мы напрасно теряем деньги государства, бездумно расходует ресурсы и безответственно тратим силы общества, вместо того, чтобы сделать так, чтобы каждый рубль, каждый пуд, каждый час и каждый человек служили только одной цели – благу всего общества и благосостоянию каждого человека в этом обществе.

Я развел руки в стороны, охватывая перспективу.

– Представьте себе государство всеобщего благосостояния! Вокруг золотые нивы, принадлежащие тем, кто их обрабатывает. В полях работают многочисленные тракторы и ком-

байны, освобождая крестьянина от тяжелого физического труда. Электрический свет в каждой деревне и в каждой избе. Заводы и фабрики, полные новой техники, станков и машин, а сами рабочие управляют этими механизмами, получая при этом очень достойную заработную плату. Огромные стройки, полные тракторов, бульдозеров, кранов и экскаваторов. Стройки, где больше не нужно будет тяжело трудиться в поте лица. Стройки, которые возведут всем людям новые жилые районы и каждый человек получит свой собственный дом или квартиру. Ярко освещенные электричеством города, по широким улицам и зеленым паркам которых ходят счастливые люди, которые не делятся на сословия и не разделяются бедностью, поскольку бедности больше нет. Взрослые и дети. Старики получающие заслуженную пенсию по старости. Всеобщая медицина. Всеобщее образование. Наука и техника работают на то, чтобы сделать жизнь легче и лучше, чтобы изобрести новые машины, которые облегчат труд людей. Огромные электростанции дадут энергию в самые дальние уголки империи. Железные дороги дотянутся до самых удаленных мест, а автомобильные дороги наполнятся автомобилями, и каждый человек будет иметь свой собственный автомобиль или мотоцикл. Небо наполнится аэропланами и пассажирскими дирижаблями, которые несут в себе трудящихся на отдых к теплому морю. Мечта, скажет кто-то, и будет прав. Да, это моя мечта! Я назвал это мечту – мечтой об Освобождении. Освобождении от бедности, угнетения и отсталости. Освобождения от беспросветной жизни и тяжелого физического труда. Освобождение духа и будущего человечества. Но разве это плохая и не достойная всего государства мечта? Разве плохо, если все общество будет увлечено этой мечтой? Разве вы не хотели бы жить в таком обществе, которое объединило всех людей, все ресурсы и всю мощь государства во имя построения подобной мечты?

В зале загомонили. Но я не стал останавливаться, продолжая гнуть свою линию.

– Наступил двадцатый век – век научно-технического прогресса. Современной науке и технике подвластно все, а что пока не подвластно, будет возможно при соответствующем финансировании и поддержке как со стороны государства, так и всего общества. Все, что я назвал мечтой, на самом деле реально и достижимо. Нужно лишь захотеть. Захотеть всем нам. И когда все общество подчинит свои интересы цели всеобщего благосостояния и освобождения от угнетения, когда законы будут стимулировать частную инициативу и выгоду, регулируя их интересами всеобщего блага, когда сама наша империя будет Империей всеобщего успеха и счастья, тогда и наступит наш Золотой век Освобождения. Сто тысяч школ, сто тысяч больниц, миллионы тракторов и машин по всей стране. Десять тысяч машинно-тракторных станций, к услугам которых может обратиться каждое крестьянское хозяйство. Государственные и кооперативные предприятия улучшенного семенного и племенного фонда, где можно будет приобрести самые урожайные сорта и самых производительных коров. Увеличение урожайности в пять раз вполне достижимо при достаточной механизации деревни и при правильном применении агрономической науки. Ученые, инженеры, механики создадут новые машины и тракторы, обеспечив России стремительную всеобщую механизацию. Применение машин и электричества резко увеличит производство молока, шерсти, мяса, хлопка, льна и других видов сельскохозяйственной продукции. Мобилизация государством сил и средств позволит быстро распахать новые земли, освоить новые территории, расселив всех желающих в новые подготовленные места для проживания по всей империи. Мы создадим новую жизнь и новую Россию, в которой будет сытно и интересно жить, в которой место найдется каждому и каждый получит то будущее, которое сам пожелает. Мы построим общество всеобщего освобождения, освобождения от голода, от нужды, от угнетения, от тяжелого физического труда и беспросветной жизни. Мы построим Империю Освобождения. Империю, которой будет дорог каждый ее гражданин. Сказав гражданин, я не оговорился и не ошибся. Каждый принеший присягу верности императору Всероссийскому, имея на то желание, может стать полноправным

гражданином империи, гражданином, участвующим в управлении державой и в строительстве нового мира – Мира Освобождения. Освобождения народа России и всего мира.

Делаю короткую паузу, отделяя сказанное. Продолжаю, все более воодушевляясь с каждым новым предложением:

– Мир Освобождения пока лишь красивая мечта. Как осуществить эту мечту? Что нужно сделать, чтобы победить бедность и построить государство всеобщего блага? На самом деле у нас все есть для этого! И у нас есть главное – державная воля избрать курс на Освобождение и сделать идею Освобождения официальной идеей империи. Твердость императора, подчинение всех государственных целей и проектов делу всеобщего блага и Освобождения, жесткость мер правительства по проведению реформ, привлечение всего общества к выработке стратегии развития империи, широкое общественное обсуждение. Я выношу идею Освобождения на обсуждение всей России. Я приглашаю лучшие умы принять участие в выработке путей и подготовке программы действий правительства в деле построения нового общества всеобщего Освобождения. Я и имперское правительство открыты для любых идей и предложений, имеющих целью улучшение жизни народа, скорейшей механизации всех сфер жизни, повышения уровня медицины и всеобщего образования. Я иницирую создание самого широкого общественного фронта – Союза Освобождения, в который войдут наряду с Фронтовым Братством и другие организации, разделяющие цели Освобождения – крестьянские, рабочие, молодежные, женские, детские, общегражданские, промышленные, купеческие, профессиональные и прочие союзы. Я обещаю Союзу Освобождения полную и всемерную поддержку имперского правительства и мою лично. Вместе мы сила, и вместе мы победим!

Зал взорвался восторженными криками и овацией. Переждав шум, я заговорил уже с большим практицизмом в голосе:

– Что же нужно сделать для начала? Сегодня нам предстоит избрать Исполнительный комитет Фронтового Братства. Я готов, если на то будет воля собравшихся, занять пост почетного председателя Фронтового Братства и даровать Братству право на почетное наименование Императорское Фронтовое Братство. Нет возражений?

Одобрительный шум позволил мне заключить, что «предложение» принимается. Но все же я решил соблюсти все нормы и поставил вопрос на голосование. После закономерного «одобряем-с» я продолжил:

– Предлагаю учредительному съезду избрать Исполнительный комитет Братства числом в десять человек, по пять человек от офицеров и солдат. В дальнейшем я бы еще рекомендовал дополнить Исполком еще пятью представителями от ветеранов-отставников. Председателем Исполкома я бы рекомендовал избрать нашего боевого товарища главу правительства генерала Нечволодова Александра Дмитриевича. Касаемо кандидатур остальных членов Исполкома, то тут я целиком полагаюсь на ваш выбор. Кто за избрание генерала Нечволодова председателем Исполкома Фронтового Братства?

Снова лес рук взлетел над лесом штыков в зале.

– Благодарю вас, мои боевые товарищи. Теперь, прежде чем передать слово для доклада генералу Нечволодову, я хотел бы сказать еще кое-что. Мы здесь все – фронтовики. Каждый из здесь присутствующих знает, что такое война. Перепаханная и выжженная взрывами земля, на которой давно уже никто не сеет и не пашет. Сгоревшие деревни. Сотни тысяч погибших. Пятнадцать миллионов русских солдат не заняты ничем кроме войны. Миллионы рублей ежегодно тратятся на войну, вместо того, чтобы улучшать жизнь в России. Война давно уже превратилась в позиционный тупик, из которого нет выхода. Ни одна из стран, вступивших в эту войну, не рассчитывала воевать так долго. Кровавая мельница войны с каждым днем перемалывает все больше ресурсов, денег и людей. Державы беднеют, простые люди нищают, Европа вот-вот погрузится в пучину братоубийственных войн, в которых никто уже не будет даже помнить о том, с чего все началось в августе 1914-го. Я не знаю, нравится ли воевать остальным, но я

уверен, что русские воевать не хотят и не любят. Нам не нужна война ради войны. Я уверен, что почти все вопросы можно решить за столом переговоров. Одобряете ли вы предложение всем воюющим сторонам прекратить огонь на сто дней и сесть за стол мирных переговоров?

Зал одобрительно загудел. Послышались аплодисменты и какие-то выкрики, которые в общем шуме было трудно разобрать, хотя общая тональность была понятна.

– Одобряете? Тогда мы так и поступим! Мы предложим всем сторонам объявить на сто дней прекращение боевых действий и прислать свои делегации в Стокгольм для начала переговоров о перемирии. Всем странам нужно очнуться от кровавого угара войны, солдатам пора съездить в отпуск домой, дома ведь дел полно, жены опять же, не так ли?

Тут уж народ точно радостно зашумел, горячо поддерживая эту идею.

– Ну, а если они не согласятся, то что ж, русские никогда не начинают войну, но всегда ее заканчивают! Заканчивают, даже если к миру придется принуждать силой! И нам это не впервой, верно?

Новый всплеск одобрения в зале.

– А теперь я приглашаю выступить генерала Нечволодова с тезисами программы правительства в области реформ и земельной реформы в частности. Будут вопросы – задавайте после выступления. Уверен, что генерал ответит на все вопросы!

Нечволодова встретили горячо, сопровождая приветствия и ехидными шуточками. Очевидно, что идея задавать вопросы генералу, да еще и целому премьер-министру империи, солдатам-ветеранам очень пришлась по душе. И вопросов будет много. Что ж, вот пусть Александр Дмитриевич и отдувается, ибо не царское это дело отвечать на всякие ехидные вопросы.

Петроград. Финляндский вокзал.

8 (21) марта 1917 года

Если бы полковник Мостовский увидел родного брата в эту самую минуту, то, вероятно, он бы выяснил, что его собственные способности удивляться еще далеко не исчерпаны.

Да, он и так имел все поводы для удивления, встретив вместо одетого в привычную офицерскую форму брата франтоватого молодого человека в очень приличном пальто и дорогом костюме.

Но еще больше Николай Петрович удивился бы, если бы ему сказали, что с сегодняшнего дня для его родного брата начинается совершенно новая и зачастую неожиданная жизнь. И что с этого момента для потомственного военного Александра Петровича Мостовского знаки различия на погонах (равно как и отсутствие погон как таковых) будут играть условную роль, призванную лишь помочь выполнить поставленную перед ним ту или иную задачу. И что теперь все чины и должности для него лишь ширма, призванная приккрыть истинную должность – должность имперского комиссара.

Александр Петрович проводил взглядом проплывающие мимо вагона строения пока еще столицы и нервно усмехнулся своим мыслям. Он чувствовал себя словно герой «Трех мушкетеров», у которого в кармане ждала своего часа всемогущая бумага. Впрочем, бумага эта была не столь уж всемогуща. Что там в ней было-то?

«То, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства. 5 августа 1628 года. Ришелье».

У самого Мостовского в потайном кармане была совсем другая бумага, до которой вырванному Атосом у Миледи клочку бумаги было очень и очень далеко. Бумага Мостовского гласила:

«Сим удостоверяется, что флигель-адъютант Мостовский Александр Петрович исполняет Высочайшее повеление.

Для исполнения означенного повеления флигель-адъютант Мостовский наделяется чрезвычайными полномочиями. Всем государственным, военным и дипломатическим чинам,

всем верноподданным Российской империи оказывать флигель-адъютанту Мостовскому всемерное и полное содействие».

И подпись. Скромная такая подпись под этой бумагой:

«*МИХАИЛ*».

И куда же едет флигель-адъютант Мостовский со столь красивой бумагой и дипломатическим паспортом в кармане? А едет он, как мы слышали, на воды, с целью поправить пошатнувшееся на ниве служения Отечеству здоровье. И поправлять он это свое здоровье будет не где-то еще, а именно во Франции.

Глава III. Меж двух столиц

Петроград. Невский проспект.

9 (22) марта 1917 года

Вновь неприметная машина выехала из ворот здания Министерства финансов, расположенного в комплексе зданий Генштаба. Ни тебе охраны, ни помпы. И откуда знать общественности, что сейчас в этой машине едет сам государь император? Мало ли машин выезжает из этих ворот в течение дня. Тем более что чуть раньше из ворот Зимнего дворца торжественно выехала кавалькада с Конвоем, охраной и несколькими автомобилями, которая торжественно и не торопясь двинулась в сторону Таврического дворца.

Я покосился на сидящего на переднем сиденье генерала Климовича. На нем было цивильное пальто и шапка пирожком. Так и не скажешь, что генерал едет. Так, гласный какой-то ездил по каким-то своим мелким делам в Минфин. Конечно, еще лучше было бы типа на извозчике, но такого я себе пока позволить не мог. Да и не хочу я на извозчике, даже если это будет перодевший казак Конвоя. Мне, человеку третьего тысячелетия, крайне не нравится ездить в местных пролетках, уж сильно они воняют потом (лошадиным и человеческим), навозом, каким-то дегтем и прочей дрянью. И пусть клянутся мои подданные, что все идеально вычищено, однако мне, извините, воняет все равно. И тут даже не помогает огромный кавалерийский навык моего прадеда. Вот верховые лошади – пожалуйста, а вот в извозчицью пролетку я сяду только в случае крайней необходимости. Данный же случай таковым не был.

Невский проспект был полон народом, хотя сильно спешить тут не принято. Впрочем, и в мое время в Питере было куда степеннее и спокойнее, чем в Москве.

М-да, Москва. Еду я в Первопрестольную. Интересно, какая она в этом времени? Боюсь, что удивлен я буду весьма неприятно. Но что прикажете делать? Оставаться в Питере представляется совершенно неразумным. В столице заговор на заговоре и заговором погоняет. И это не считая упоминаемой Нечволодовым чиновничьей солидарности и сплошной круговой поруки элит. И не упоминая особо высший свет, гудящий словно растревоженный улей. И... И, вообще, мне нужна новая страна, а новой стране нужна новая столица, где все придется выстраивать заново. И нужна новая система власти. И мне нужны силы, на которые я могу опереться в борьбе за новую Россию. И как раз одним из столпов моего режима и должны стать структуры Фронтального Братства и Союза Империи Освобождения.

Только всеобщая мобилизация, только рывок! Мобилизация природных и трудовых ресурсов, финансов, промышленности, кадров, знаний, опыта. И все это нужно помножить на массовый энтузиазм и воодушевление. Я должен совершить рывок в техническом развитии государства, и без рывка общественного мне этого никак не достичь.

Что ж, вчерашний день закончился, в принципе, так, как я и планировал. Был избран Исполком Братства, заместителем или, как тут говорят, товарищем председателя Исполкома Нечволодова был избран полковник Дроздовский, а общий состав исполкома меня вполне устраивал. Впрочем, меня пока это не слишком волновало, поскольку я всегда мог бросить на чашу весов свое веское слово, придавив их авторитетом. Авторитетом и деньгами. Поскольку основным спонсором этого шоу был я. И без меня вся эта затея очень быстро сдуется. А всей этой братии уже сильно понравилось заниматься общественной работой за казенный счет, что вполне объяснимо, поскольку назад в окопы никому из них не хотелось.

Кроме состава Исполкома вчера же утвердили обращение ко мне по поводу необходимости мирной инициативы, а также обращение к правительству Нечволодова по поводу поддержки запланированной правительством земельной реформы. Также была создана комиссия, задачей которой было пригласить экспертов и предложить правительству свой вариант земельной реформы. Была еще создана комиссия по подготовке предложений по идеологии Освобождения.

дения. Еще комиссия по... В общем, был создан целый список комиссий, которые поглотили в своем составе бурную энергию всяческих говорунов. Исполком же занялся практической работой, которая включала в себя отправку делегатов в губернии и дивизии с целью создания ячеек Братства и Союза Империи Освобождения, помощь разным слоям общества в создании ячеек Освобождения, формирования на базе Братства военизированного крыла Братства – Корпуса Патриотов, каковой должен был сыграть в этом мире роль моих личных штурмовых отрядов, а Дроздовский должен был сыграть роль их вождя.

Собственно, на создание всей структуры и на создание штурмовых... в смысле на создание Корпуса Патриотов я отводил срок два месяца, то есть к середине мая я должен был получить разветвленную структуру местных комитетов Фронтового Братства в армии и в тылу, а также сформировать в Москве, Питере и Киеве по сводному полку Корпуса, а в каждой губернии подразделения численностью не менее роты постоянного состава и не менее батальона милицейского резерва. В Корпус, по моим представлениям, должны были записываться как те, кто хотел послужить Отечеству и императору, так и те, кому было что терять в случае революции и беспорядков. А таких хватало в каждом городе и в каждой деревне. Тем более что я дал указание губернаторам и местному военному начальству оказывать сему патриотическому начинанию всяческую поддержку.

Реально между положением ячеек Братства в армии и в тылу была разница. Если в армии их задача в основном сводилась к укреплению дисциплины и слежению за разлагающимися элементами, а вмешиваться в вертикаль командования им было строжайше запрещено, то вот в тылу у них были более широкие задачи по обеспечению моей власти на местах. Ну, а если будут перегибы на этих самых местах, то повешение виновных за шею на центральной площади очень помогает со всех точек зрения – и дисциплину повышает и общественность успокаивает.

Конечно, сделать на местах все с нуля будет проблематично. Да что там на местах, когда и в столице мне будет это сделать сложновато. Тем более в новой столице, каковой по моему плану и должна была стать Москва. Хотя, конечно, это и древняя столица русского государства, тем не менее сейчас наверняка это глубокая провинция, мало приспособленная для размещения столичных институтов, так что ожидается еще тот головняк. Да и провинциальность мышления никуда не денется еще долго. Ничего, большевики как-то справились, и я справлюсь. Правда, большевикам было проще, они могли себе позволить реквизировать и национализировать направо и налево, стреляя через одного, а у меня все же законность и прочий имперский правопорядок, так что придется решать вопрос иначе.

– Владимир Михайлович, вы помните, что вы мне обещали чудо-человека в Москве?

– Не извольте беспокоиться, государь, – князь Волконский склонил голову, – все будет в лучшем виде. Статский советник Жилин именно то, что нам нужно. Он уже занимается изучением вариантов размещения большого количества чиновников в московских доходных домах. Правда, придется применять закон о военном положении и буквально мобилизовывать особняки, выселяя постояльцев, но иного варианта я, признаться, не вижу. Иначе мы не сможем быстро разместить такое количество учреждений в непригодном для этого городе. Разумеется, за мобилизованные особняки казне все равно придется платить аренду, но тут уж я на Жилина надеюсь, он пройдоха такой, что дай бог каждому.

Я усмехнулся и пожал плечами.

– Что ж, пройдоха так пройдоха. Только смотрите, князь, чтобы он казну по миру не пустил.

Главноуправляющий Министерством двора и уделов покачал головой.

– Разумеется, государь, мы будем присматривать за ним, но мне представляется, что он этим будет заниматься не ради денег.

– А ради чего же?

– Эм... Скажем так – не только ради денег. Он очень честолюбив. Из грязи в князи, так сказать. Мечтает о достойном титуле и имени под Москвой. И потому будет из кожи вон лезть, только чтобы заслужить внимание вашего императорского величества.

– Понятно. Что ж, это нельзя исключить, верно? За хорошую службу и награда хороша. А что из качеств его вы можете сообщить?

– Очень хваткий. Я одно время даже полагал, что он из евреев, но нет, чистокровный русак, я проверял его до седьмого колена. Хотя, признаюсь, так и не скажешь. Впрочем, разве можно быть уверенным в вопросах крови? Мало ли кто, когда с кем и от кого?

Да, вопросы крови, самые сложные вопросы в мире. Я улыбнулся, вспомнив собственную историю и историю династии как таковую. На ком там прервалась линия Романовых? Впрочем, тут я не прав, ибо русская императорская династия вообще не имеет фамилии. Никакой. И то, что она именуется Романовыми, лишь условность. Как, впрочем, и Гольштейн-Готторп-Романовы они, то есть уже мы, все так же условно. И все эти генеалогические споры о том, как именовать династию, лишь вопрос пропаганды и прочей геральдики. На самом деле это все ерунда, ибо это просто русская правящая династия, построенная вовсе не на фамилии, а на степени родства императору. Император вообще не имеет фамилии, равно как и великие князья точно так же фамилий не имеют. Я лишь Михаил Александрович, а тот же Сандро – Александр Михайлович. И все, никаких тебе фамилий. Все это для других, лиц менее царского происхождения. Это вон те же князья Волконские имеют фамилию, а нам, царям, не положено.

Ладно, что-то меня понесло не в ту степь. Как-то устал я. Надо будет поспать в поезде...

Петроград. Николаевский вокзал.

9 (22) марта 1917 года

Автомобиль выехал на платформу императорского поезда и замер у выстроившегося почетным караулом Конвоя. Ко мне тут же подскочил с докладом генерал Цабель.

– Ваше императорское величество! Поезд в полном порядке и исправности, мы готовы к отъезду.

– Благодарю вас, Сергей Александрович; что гости, все разместились?

– Так точно, ваше императорское величество, все размещены. И указанные вами лица, и ее императорское величество с графом Брасовым также разместились уже в великокняжеском вагоне.

Я резко остановился и развернулся к Цабелю.

– Моя мать и сын в поезде?

– Так точно, ваше императорское величество!

Я вкрадчиво спросил:

– Послушайте, генерал, а я разве указывал данных лиц к размещению?

– Но, ваше императорское величество... – генерал запнулся и явно растерялся. – Как же могу их не пустить, если они прибыли к поезду? Это же, прошу меня простить, не абы кто с улици, а ее...

– Генерал! – я перебил оправдания. – Скажите, не жмут ли вам погоны? Или вам надоело быть начальником императорского поезда? Так это поправимо, вы один из немногих, кто остался после моего царственного брата.

Цабель выпрямился и твердо сказал:

– Я готов отправиться на фронт сей же момент, ваше императорское величество!

– Вот что, генерал, вы отправитесь туда, куда я прикажу, и будете делать то, что я скажу. Разумеется, я от вас хочу не слепого подчинения, но, тем не менее, требую выполнения моих приказов и подчинения лишь мне. Вам понятно? И если я вам присылаю список лиц, которые должны быть в поезде, то это значит, что никого другого в поезде быть не должно!

– Слушаюсь, ваше императорское величество! – Цабель козырнул, а затем, поколебавшись, спросил: – А как прикажете поступить с ее императорским величеством и его сиятельством графом Брасовым?

– Ну, не на улицу же теперь их выгонять! Придется мне разговаривать с ними.

– Слушаюсь, государь! Прошу войти в вагон, и мы сразу же отправляемся. Свитский состав и бронепоезд уже отбыли вперед. Вслед за нами пойдет эшелон Георгиевского полка.

– Хорошо, Сергей Александрович. И распорядитесь, голубчик, чаю.

Я вошел в вагон, придерживая на бедре шашку. За мной проследовал генерал Климович, успевший за время моего разговора с Цабелем вновь облачиться в генеральскую шинель и затянуть себя ремнями.

– Господа, собираемся в столовой через четверть часа. Проведем блиц-совещание.

К моменту, когда я, сняв верхнюю одежду и испив чаю, вышел к ожидавшим меня, поезд уже тронулся и стал плавно набирать ход. Прекрасный и тяжелый бронированный вагон императорского поезда шел тихо и плавно, покачиваясь на стыках и стрелках. Да, сделали для брата Коли хороший состав. Тем более что он не один в своем роде и каждая российская железная дорога имела такой в резерве, на случай явления Христа, в смысле меня народу. Точнее, на случай того, если государь император соизволит куда-то выехать, а затем милостиво благоволит проследовать, где Высочайше изволит откусать.

Столовая не лучшее место для совещаний, к тому же пришлось идти в соседний, десятый, вагон, но там по крайней мере был длинный стол, а в салоне проводить совещания было решительно невозможно. Расслабляющая обстановка кресел и диванов создавала абсолютно нерабочую атмосферу. Да и писать на чем? На маленьких декоративных столиках, что ли? Ну, а царский кабинет имел лишь один стол – мой – и для совещаний также не годился. А посему, хочу я того или нет, но столовая, как говорится, она самое то. Так что вот вам и здравствуйте.

– Добрый день, кого не видел. И кого видел, также приветствую.

Собравшиеся поклонились.

– Прошу садиться, господа!

Естественно, сам я сел во главе стола и, подождав, пока все рассядутся, начал:

– Итак, господа, хочу с вами обсудить вот такую тему, которая касается этого поезда и моих поездок вообще. Ездить я собираюсь много, а управление государством не должно прерываться ни на минуту во время моего движения. Особо подчеркиваю, мне нужны не столько комфортабельные средства передвижения в виде бронированных дворцов на колесах, сколько варианты передвижных командных пунктов, которые позволят мне управлять государством и армией в любой момент времени, вне зависимости от моего местонахождения, будь то я нахожусь в пути между станциями, передвигаясь на поезде, посещаю секретные объекты или вообще передвигаюсь по воздуху. Нынешний вариант императорского поезда не позволяет осуществлять такие действия в полной мере. В частности, на перегонах между станциями император и его сопровождающие лица лишены средств связи, а потому не могут управлять процессами в государстве. Посему я вижу такие варианты решения данной задачи. Первое, императорский поезд дополняется еще двумя вагонами. В одном будет располагаться Императорский ситуационный центр, а во втором будут жить офицеры Ситуационного центра. Поезд необходимо оснастить двумя независимыми станциями беспроводного телеграфа, для приема и передачи данных вне станций или тогда, когда нет возможности воспользоваться обычными телефонными и телеграфными линиями в случае заговора или других обстоятельств.

– Прошу простить меня, государь, – Цабель встал. – Дело в том, что нынешний состав императорского поезда и так нагружен до предела. Четырнадцать вагонов, пять из которых бронированные, создают большую нагрузку на машины, и состав рискует не выдержать требуемую скорость, да и вообще это чревато на подъемах и спусках. А если мы добавим еще два, то...

Я пожал плечами.

– Значит, нужно придумать, за счет чего уменьшить нагрузку. Отцепите церковь, в конце концов. Молитва штука хорошая, но оставлять империю без управления только потому, что мы возим с собой церковный вагон, это, знаете ли, перебор. Бог простит нам, если мы будем молиться в церквях при станциях, но не простит, если из-за передвижной церкви мы допустим в стране переворот и гражданскую войну.

– Есть еще вагон-гараж с автомобилем, – напомнил мне генерал. – Можно и его отцепить.

– Скорее я прикажу отцепить один из великокняжеских вагонов. Целых два бронированных великокняжеских вагонов это перебор, как мне представляется. Дамский великокняжеский вагон нам ни к чему, мы не на пикник едем, а вот автомобиль мне может быть полезен. В общем, изучите варианты уменьшения нагрузки и представьте мне свои соображения.

Начальник поезда поклонился.

– Будет исполнено, государь.

– Далее. Гонять целый состав на короткие расстояния я считаю нецелесообразным по ряду причин. А потому необходимо разработать систему использования бронепоезда номер три «Георгий Победоносец» в качестве оперативного командного пункта, при моих поездах в районе столиц. Бронепоезд же разрабатывался именно как генеральский передвижной штабной командный пункт, не так ли?

Цабель кивнул.

– Точно так, ваше императорское величество. Только он не совсем удобен для размещения там вашего величества. Да и как там разместить указанный вами Ситуационный центр? Бронепоезд ограничен по объему.

– Ну, комфорт меня интересует в последнюю очередь. Стол, стул, телефон, радио для приема кодированных сообщений, беспроводной телеграф и дежурный офицер – вот и все, на что я претендую. На фронте я жил в худших условиях, а тут речь идет о часе или двух пути. Но, разумеется, я жду от вас соображений по наилучшему решению данной задачи. И еще. Нужен штабной моторизованный бронев вагон. Вооружение его меня интересует постольку-поскольку, а вот возможность передвигаться на нем в пределах Москвы и Подмосковья меня интересует весьма. И еще я хотел бы получить в свое распоряжение ремонтный состав, а точнее паровоз и несколько вагонов, которые ничем внешне не отличаются от обыкновенных теплушек, в меру грязных и потрепанных, с соответствующими надписями на бортах, а на деле представляющих собой обшитые вагонными досками бронированные вагоны передвижного командного центра для скрытного перемещения императора, дежурных офицеров Ситуационного центра и моей охраны из одного пункта в другой, да так, чтобы ни одна живая душа не могла сказать точно, что именно в этих вагонах. Вы понимаете мою мысль, господа? Вижу, что понимаете. В таком случае этот вопрос следует срочно изучить, и я жду предложений. Координатором проекта я назначаю министра вооружений и военных нужд. Возьмите под личный контроль этот вопрос, Алексей Алексеевич.

Генерал Маниковский встал и коротко кивнул.

– Подчеркиваю, господа, это – *срочно*.

Железная дорога между Петроградом и Москвой.

9 (22) марта 1917 года

– Привет, сынок. Что рисуешь?

Мальчик смутился, но затем все же справился с собой и ответил тихо:

– Бронепоезд...

Я наклонился над рисунком.

– Похож, – одобрил я, усаживаясь рядом. – Ты не голоден? Скоро обед подавать будут.

– Нет, папá. А мы куда едем?

– В Москву, сынок.

– А когда назад?

Я пожал плечами.

– Не знаю, сынок. Думаю, что мы туда надолго переезжаем, так что...

В этот момент дверь во второе великокняжеское купе раскрылась и на пороге возникла вдовствующая императрица Мария Федоровна во всей своей красе.

– Михаил? А я думаю, кто тут разговаривает...

– Георгий, порисуй пока, а то мне бабушке твоей нужно пару слов сказать тет-а-тет. Прошу вас, мамá, – делаю приглашающий жест, и мы выходим из купе. Гувернер Георгия с поклоном ретируется назад в купе сына.

– Вы в каком купе расположились, мамá?

– В первом.

– Прекрасно. Тогда разрешите вас пригласить на два слова.

Мы расположились на диванах, и я вкрадчиво спросил:

– Я давно хочу у вас спросить, мамá, вам какой дворец больше нравится – Мариинский в Киеве или Ливадийский?

– Это к чему ты спрашиваешь? – спросила она с подозрением.

– А к тому, мамá, что если вы будете заниматься самоуправством, то я организую вам отдых вдали от столиц.

Ее лицо вспыхнуло.

– Каким еще самоуправством? Потрудись объяснить, сын мой!

– Ой, мамá, только не надо! Все вы прекрасно понимаете! Кто вас приглашал в поездку? Я же вам вчера сказал, что вызову вас позже. Если вы еще раз решите поступить по-своему, то имейте себе в виду, что вы рискуете тем, что вас просто не пустят, и придется вам стоять под окнами поезда на виду у всех, в ожидании меня. А я вас отправлю восвояси.

– Я не понимаю тебя! С каких это пор я должна спрашивать дозволения на поездку? Мне кажется, что ты забываешь, кто я такая!

– Мамá, я вас люблю и уважаю, но глава дома и император здесь я. И я не допущу того, чтобы кто бы то ни было подвергал сомнению мои решения. Я просил вас присмотреть за Георгием в это тяжелое для него время...

– Для него? – вдруг переспросила она. – Только для него?

Я нахмурился.

– И для него, и для меня. Но я весь в делах, а он одинокий маленький мальчик, у которого недавно убили маму прямо у него на глазах. И я вас просил...

Мария Федоровна поджала губы.

– Прости, но я не думала, что рядовая поездка в Москву такое сложное предприятие. Я подумала, что мальчику будет интересно посмотреть Кремль, и что это как-то развеет его.

– Это не рядовая поездка. Я переносу в Москву столицу империи. И мне сейчас будет совсем не до того, чтобы еще и переживать за Георгия.

– Столицу? – переспросила императрица.

Я кивнул.

– В Москву.

– Но позволь спросить, зачем?

Устало тру глаза.

– Много причин. Скажем коротко – хочу учредить империю заново. И мне для этого нужно перезагрузить весь государственный аппарат.

– Перезагрузить? – Мария Федоровна удивленно посмотрела на меня. – Как это?

– Э-м-м, ну, точнее, перезапустить. Словно двигатель, который заглох, понимаете?

Она с сомнением посмотрела на меня и медленно кивнула.

– Вот и хорошо, – поспешил я закруглить свою оплошность. – Мама, я надеюсь, что мы поняли друг друга.

Вдовствующая императрица ничего не ответила, и я, выходя из купе, спиной чувствовал ее изучающий взгляд.

В коридоре натываюсь на графа Бенкендорфа.

– Ваше императорское величество! Прикажете подавать обед?

– Что ж, Павел Константинович, извольте, – кивнул я своему обер-гофмаршалу, – как говорится, война войной, а обед по расписанию!

Обед прошел в довольно непринужденной обстановке. Звучали тосты за меня любимого, за Россию, за Марию Федоровну и даже за Георгия. Все довольно оживленно беседовали, вспоминая какие-то случаи из жизни. В общем, все было нормально. Ну, почти все. Я весь обед ловил на себе оценивающе задумчивый взгляд вдовствующей императрицы.

Да, что-то пошло не так. М-да...

* * *

– «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

– Я эту сказку знаю!

Растерянно смотрю на мальчика и закрываю книгу. А он просит:

– Расскажи мне что-нибудь интересное!

Пожимаю плечами.

– А хочешь, я тебе расскажу, как я шесть сотен верст пролетел на аэроплане без посадок и как мы разбились в лесу под Могилевом?

– Хочу! – загорелись глазки у Георгия.

– Ну, слушай...

* * *

Уложив сына спать, иду через вагоны. Седьмой, восьмой, девятый, десятый...

Душа моя томится и волнуется. Не могу найти себе места.

– Государь, может, чаю изволите?

Поднимаю голову и вижу перед собой моего личного шеф-повара Харитонова.

– Чаю? – переспрашиваю я. – Эх, Иван Михайлович, какой тут чай. Рюмка водки сыщется у тебя? А впрочем... – Усмехаюсь пришедшей в голову идее. – А идем-ка мы с тобой, Иван Михайлович, в твоё царство!

Тот удивленно смотрит на меня, а затем делает приглашающий жест. Проходим в одиннадцатый вагон, и вот мы в императорской кухне. Оглядываю убранство. Да, у меня в Москве кухня была получше. Про технику я уж молчу. Огромное brutальное металлическое чудовище, топимое дровами, никак не может конкурировать с оставленными в будущем плитами, духовками, мультиварками, микроволновками и прочими кухонными комбайнами. Но...

– А найдется ли у тебя фартук? – спрашиваю, уже расстегивая пуговицы кителя. – И пойдём-ка мы в отделение для провизии, я там выберу кое-что.

Под ошарашенным взглядом Харитонова (благо остальную поварскую публику он турнул в двенадцатый вагон и приказал им там не отвешивать) я прошествовал в отделение для провизии и начал набирать в корзину то, что мне было необходимо. Вернувшись в кухню, вооружаюсь ножом и широкой разделочной доской.

– Так, Иван Михайлович, ставь-ка ты на печь вон ту кастрюлю побольше и налей туда воды на две трети.

Беру кусок отборной свинины и начинаю его нарезать кусками сантиметра три на три каждый. Еще кусок. Да, итого два кило мяса.

– Не закипела вода в кастрюле?

– Нет, государь, – Харитонов качает головой. – Печь остыла. Пока дрова жар дали, пока вода нагреется...

– Да, дрова – это непорядок, хочу я тебе сказать. Газ бы. А впрочем...

Я как представил себе, что произойдет, если наполнить кухню в поезде газовыми баллонами местного производства, и как-то сразу передумал продвигать эту идею. Ну, а что, электроплиту тогда? Их же вроде уже придумали, если мне память прадеда не изменяет? Правда, греется такое чудо дольше, чем печь на дровах. В общем, пока пролет.

Шеф-повар покосился на меня, но ничего не сказал. Я же продолжил свое колдовство, взявшись собственноручно чистить лук и шинковать его на кубики.

– Государь!

Поднимаю голову. Сандро, будь он здоров. Что он здесь забыл?

– Что случилось?

Тот удивленно посмотрел на меня и сказал многозначительно:

– У меня – ничего.

– Ага, – кивнул я, – ну и прекрасно. Будешь в дверях стоять или делом займешься?

– Делом? Каким же?

– Морковку чистить.

Сандро засмеялся, но китель начал расстегивать. Харитонов обреченно протягивал ему еще один фартук, явно проклиная тот момент, когда пришел осведомиться насчет чая. Император и великий князь хозяйничали у него на кухне, а он чувствовал себя словно подмастерье.

– Не куксись, Иван Михалыч, никто на твою кухню не покушается. Просто развеяться мне надо. Да и думать любимое занятие всегда помогает. А готовка – одно из них.

Харитонов как-то неуверенно кивнул, а Сандро снова рассмеялся. Я продолжил командовать в кухне.

– Почистил морковь? Целых три? Ну, одну можешь съесть, а две остальные нужно натереть на крупной терке.

Великий князь, все еще посмеиваясь, принялся натирать морковь. Я же закончил шинковать лук, когда услышал:

– Государь, вода закипела!

– Спасибо, Иван Михалыч, – и с этими словами бросаю в кипящую воду пару ложек соли. Пробую. Еще пол-ложечки. Так, нормально. Теперь бросаем мясо, и пусть себе варится.

– Посматривай, Иван Михалыч, за пеной, чтоб снять вовремя.

Императорский шеф-повар хмыкнул, но возражать не стал. Беру тем временем сковороду и ставлю на плиту. Подождав, пока раскалится, наливаю оливковое масло (побоялся наливать подсолнечное, фиг его знает, придумали ли тут рафинированное масло, а от нерафинированного и вкус испортится и все будет в пене) и бросаю туда нашинкованный лук.

– Чего стоим? Кого ждем? Сандро, давай быстренько режь вон ту кучку грибов. Да как хочешь режь. Поперек. Ага.

А сам уже чищу помидоры от кожуры. Харитонов успевает и пену снимать из кастрюли, и лук помешивать на сковороде. Молодец. Профессионал, не то что я!

– Так, лук зарумянился, давай туда быстренько натертую морковь и не забывай помешивать! Освободился, Сандро? Тогда чисти картошку. Приходилось в армии чистить картошку? А мне вот приходилось.

– Где это тебе приходилось? – поинтересовался Сандро.

– А там, на фронте, – ограничился я общей фразой и тут же перевел разговор в практическую плоскость: – Где тут соковыжималка?

Оказалось, что механический вариант соковыжималки уже придумали. Ну, прекрасно, мне меньше работы сейчас. Меж тем к «поспевшей» моркови отправились грибы. Мой шеф-повар обреченно помешивал на сковороде царские прихоти. Но меня это уже не могло остановить. Плевать я хотел в этот момент на все. Это мой поезд, мои люди, моя страна, и я хочу добавить сюда чуточку моего времени.

Ну, что ж, первая часть готовки закончилась, и в сковороду отправился тушиться с овощами и грибами натертый мною томатный сок.

– Ну, что, Иван Михайлович, кто тут грозился рюмочкой? Давайте по рюмашке за то, чтобы поспело блюдо как следует!

Разливаю по трем рюмкам.

– Ну, здрав буде, бояре!

Сандро расхохотался и одним махом тянул свою рюмку. Харитонов как-то неуверенно покосился на меня, но под моим отеческим взглядом покорился и обреченно выпил свою. Удовлетворенно кивнув, я, в свою очередь, накатил и свою порцию. Захрустели соленые огурчики.

– Простите, государь, а... – шеф-повар помялся, – огурцы тоже туда?

Он кивнул в сторону сковороды.

Похрустев огурчиком, я серьезно ответил:

– Нет, это не туда. Это нам на закуску.

Харитонов как-то растерянно кивнул, а великий князь вновь рассмеялся. Его явно забавляла ситуация.

– Итак, коллеги, разрешите вас так именовать, пришла пора шинковать капусточку. Есть мнение, что с этим делом никто лучше профессионала не справится. Как вы на это смотрите, Иван Михайлович?

– Да, государь.

Мне даже показалось, что Харитонов с каким-то облегчением занялся привычным делом, и вскоре нож шеф-повара зазвучал со скоростью пулемета.

– Вот что значит профессионал! – сказал я, вздохнув. – Мне так никогда не наловчиться. А впрочем, как сказал один литературный персонаж, правда по другому поводу, достигается упражнением!

– А это кто сказал?

Я покосился на Сандро и пожал плечами.

– Не помню. Да и не важно. Важно, что пора бросать в кастрюлю резанную кубиками картошку, а мы тут беседы беседуем.

Вскоре к картошке полетела и капуста. И еще через десять минут в кастрюлю было вывалено все загустевшее содержимое сковороды. Помешав варево, бросаю специи, лавровый лист, макаю туда перец чили, пробую и удовлетворенно кричаю.

– Ну, что ж, Иван Михайлович, организуй нам чеснока, сметаны, черного хлеба и пару бойцов кулинарного фронта для транспортировки сего в столовую.

Харитонов встал и уже в дверях кухни спросил:

– Простите, государь, а как называется...

Он запнулся и нерешительно посмотрел на кастрюлю.

– Сие блюдо мы изволим именовать борщом! – сообщил я, усмехнувшись.

– Борщом... – кивнул себе шеф-повар и тихо скрылся за дверью.

Железная дорога между Петроградом и Москвой.

10 (23) марта 1917 года

– Где ты так научился кулинарствовать?

– Достигается упражнением! Не грей водку, давай по первой!

– По первой мы уже выпили там, – Сандро махнул в сторону вагона-кухни. – Так что это вторая.

– Ну, значит, между первой и второй...

Мы чокнулись и выпили.

– А теперь, мой дорогой дядюшка, быстренько вот эту штучку, – процитировал я профессора Преображенского, указав на миску раскаленного борща. – И если вы скажете, что это плохо, то вы мой личный враг на всю жизнь!

Сандро закусил ледяную водку острым и горячим борщом и замер, прислушиваясь к ощущениям. Затем блаженно прикрыл глаза и лишь покачал головой. После чего начал есть, стараясь не обжечься, но и не допуская того, чтобы варево слишком остыло.

– Вот, – сказал я наставительно. – А теперь еще по рюмашке. Как говорят в Малороссии, нальвай, бо йидять!

– А ты откуда знаешь?

– А я там, батенька, воевал.

– Угу, – кивнул мой военный министр, – а этот борщ варить тебя, значит, на войне научили?

Усмехаюсь.

– А я, Сандро, очень разносторонний человек на самом деле. И готовить для души тоже очень люблю. А рецепт сей подсмотрел у одного весьма колоритного малороссиянина. Совсем не канонический рецепт, но народных блюд столько же вариантов, сколько семей – в каждой свой рецепт. Этот чем-то мне угодил, вот и запомнил.

– А еще что ты любишь?

– Еще? – Я мечтательно поглядел в ночь за окном. – Еще я летать люблю.

– Летать? – Великий князь удивился. – Это где же ты полюбить-то успел?

– Ну, не скажи, у меня летный стаж приличный. Часов тринадцать в общей сложности. Правда, «Ильей Муромцем» я не управлял в полете, но это дело наживное, не так ли?

– Миша, я надеюсь, что ты говоришь несерьезно. Я вообще противник твоих полетов на аэропланах, а уж самому пилотировать это совсем никуда не годится. Это просто опасно, а ты принадлежишь не только себе. Подумай об этом.

Я покачал головой.

– Безопасность безопасностью, но попомни мое слово – очень скоро главы государств будут передвигаться по воздуху не меньше, чем по земле. Вот мы с тобой сейчас едем в Москву. А по небу долетели бы минимум в два раза быстрее.

Дядя пожал плечами.

– А куда торопиться? Мы спокойно едем, пьем водку и едим борщ, как ты высочайше изволил поименовать сие блюдо. А вот смогли бы мы поесть горячий борщ на борту «Ильи Муромца», а? Вот то-то.

– Есть правда в твоих словах, – я кивнул, – тогда давай выпьем еще по одной.

– Давай, – согласился великий князь. – А то остынет.

– А, – отмахнулся я, – у нас еще целая кастрюля. Там не остынет так быстро, так что можно смело вкушать.

Мы вновь чокнулись и употребили. Когда с этим делом было покончено, Сандро вдруг сказал:

– Слышал вчера твое выступление на съезде этого твоего Фронтowego Братства. Кстати, ты очень ловко провернул эту операцию, взять солдат, прибывших с фронта, подавлять мятеж и вдруг объявить, что они присутствуют на учредительном съезде организации, которую патронирует сам государь, да еще и заявить им, что они уполномоченные. Но я не об этом хотел у тебя спросить. Ты вообще понимаешь, какую кашу заварил?

Откидываюсь на спинку стула и смотрю на него оценивающе.

– Понимаю. Во всяком случае, смею на это надеяться.

– Хорошо если так. – Великий князь покачал головой. – Только кажется мне, что понимаешь ты не совсем. Ты вчера выпустил джинна из бутылки, и я не знаю, удастся ли тебе его загнать назад.

– А зачем?

– В смысле – зачем?

– Хорошо, – я отодвинул миску и провел пальцем по столешнице. – Вот представь себе, что это плотина. Вот здесь скапливается вода. Пока воды было мало, можно было не беспокоиться и ничего не менять. Но вода прибывает. День за днем и год за годом. И вот она уже практически достигла верхнего края. Плотина напряжена, материал трещит, вот-вот произойдет прорыв. Представил?

– Да.

– И внизу плотины город, который будет сметен, если плотину прорвет, и миллион жителей, которые погибнут в результате этой катастрофы. И это мы уж молчим о том, что катастрофа повлечет за собой разрушения и гибель не только в этом городе, но и в других городах ниже по течению. Что мы должны сделать, как опытные инженеры для предотвращения катастрофического прорыва дамбы? Правильно, мы должны начать контролируемый сброс воды, постепенно уменьшая давление на дамбу. Естественно, мы должны предупредить жителей города о таком развитии событий и объявить эвакуацию из угрожаемых районов. Но послушаются не все, и уйдут не все. И они могут погибнуть, и с этим ничего не поделаешь. Будут также разрушены какие-то дома и строения, возможно, смоем мост ниже по течению, но мы все равно обязаны это сделать, иначе погибнут миллионы, а смоем не несколько домов, а буквально все.

– Ты хочешь сказать, что вчера объявил эвакуацию?

– Нет, я вчера объявил об угрозе катастрофы и возможной эвакуации. Саму эвакуацию еще нужно подготовить, и на это, по моим прикидкам, понадобится месяца два. Но я объявил о том, что нужно готовиться.

– Твое объявление очень многим не понравилось, смею тебя уверить.

Я кивнул.

– Скажу больше, часть населения нашего славного Города-под-Плотиной, особенно те, чьи дома попадают в угрожаемую зону, вместо эвакуации займутся тем, что постараются свергнуть администрацию плотины, полагая, что таким образом спасают свои дома от угрозы, а на самом деле они своими действиями обрекают миллионы на гибель. И что в этой ситуации должна делать администрация плотины? Позволить себя свергнуть?

– Обратиться к полиции или к армии. Пусть возьмут под охрану плотину и администрацию.

– Допустим, – киваю, – а если полицмейстер считает угрозу смехотворной? А если его дом как раз в угрожаемой зоне? А если он просто не желает ничего менять в своей размеренной жизни и предпочитает спрятать голову в песок?

– Но, если продолжать аналогию, то руководитель плотины и города – одно и то же лицо. Которое, кстати, и назначает этого самого полицмейстера.

– Предположим. Но проблема в том, что в низине у реки, которая вдруг стала угрожаемой зоной, расположены самые дорогие районы, там живет элита. И даже среди администрации плотины полно тех, чьи дома в элитной части города. И также не желают видеть очевидное. И уже идут разговоры о том, что директор плотины, который к тому же еще и градоначальник, просто сошел с ума, и нужно его устранить. И даже дважды уже попытались это сделать. Что тогда?

Великий князь задумался. Я разлил по рюмкам и поднял свою.

– Ну, давай за правильные решения.

Мы выпили. Затем Сандро покачал головой и спросил:

– И что тогда?

– Вот, – сказал я удовлетворенно. – А тогда нужно ломать привычный ход вещей и привычную систему принятия решений, ведь, как мы помним, вопрос не только в том, чтобы решение принять, но и в том, чтобы это решение кто-то исполнял со всей решимостью. Если старая система ведет к катастрофе, нужно находить альтернативные варианты.

– Какие, например?

Пожимаю плечами.

– Любые. Можно, как вариант, напечатать обращение градоначальника к жителям города. Но для этого нужно иметь газету, которая это напечатает. То есть у градоначальника должна быть своя газета, или ее нужно срочно учредить. Можно начать водить экскурсии на плотину и показывать угрозу. Можно приглашать иностранных профессоров, которые дадут экспертное заключение. Можно начать формировать добровольческие дружины, которые будут помогать желающим принять участие в эвакуации. Можно много что сделать, тут важно сдвинуть процесс с мертвой точки, запустить общественную дискуссию о том, что угроза реальна, а вот те негодяи в элитных районах ставят под угрозу жизни и имущество всего города.

– А потом, – великий князь хохотнул, – эти добровольцы пойдут и сожгут дома тех, кто против эвакуации.

– Может и так случиться, – киваю, – и это должно послужить приведению в мир реальности всех остальных. Если угроза сожжения имения и риск быть повешенным на собственных воротах будет превышать по вероятности возможную угрозу от подтопления, то я даю гарантию того, что решение об эвакуации и начале контролируемого сброса воды будет принято.

– И что дальше?

– А дальше, как говорится, аппетит приходит во время еды. Если уж удалось достичь общественного согласия в вопросе спасения города, то затем возникнет резонный вопрос: а почему мы тратим сбрасываемую воду впустую? Почему она не работает на благо города? Почему город сидит при свечах и керосиновых лампах, если рядом неограниченный источник энергии? И дальше общественная дискуссия перерастает в создание акционерного общества, которое возьмется за реконструкцию плотины, путем создания отводных каналов и установки турбин на самой плотине. И вот, вода пошла через новую плотину, закрутились лопасти турбин, побежало электричество по проводам. И вот вспыхнули огни, освещая весь город; на каждой улице, у каждого дома, в каждой комнате загорелась лампочка, открылись новые места отдыха, заработали магазины и гостиницы. В город повалили гости из соседних городов. И вот наш Город-под-Плотиной с каждым днем все богаче и успешнее и не желает при этом останавливаться в своем развитии. И вот кому-то приходит в голову, что можно торговые суда с верховья реки не разгружать у плотины, а построить шлюз, пропуская эти суда вниз по течению. И вот, каждый купец, каждая посуда, каждый груз – все это приносит достаток городу, и помыслы его жителей устремлены вперед, окрыленные и убежденные, что им все по плечу.

Великий князь широко улыбнулся.

– А все началось с того, что градоначальник решил поступить вопреки обстоятельствам?

– Именно.

– Тогда за взаимопонимание.

– За него.

И мы выпили еще по одной. Под борщик.

Часть вторая. Блаженны миротворцы

Глава I. Горячий прием

Железная дорога между Петроградом и Москвой.

10 (23) марта 1917 года

Утро началось с ада.

Во-первых, хмурый академик Павлов осматривал вашего покорного слугу, бормоча свое неодобрение поведением Высочайшего пациента.

Во-вторых, при этом присутствовала ее величество матушка собственной персоной, не менее хмуро, хотя и без комментариев, взирая на своего непутевого отпрыска.

В-третьих... впрочем, жены у меня в данный момент не было, и хотя бы с этой стороны меня никто не доставал.

Ну, а в-четвертых, я себя чувствовал не совсем хорошо. Точнее, совсем не хорошо.

– Что ж вы, ваше величество, как дите малое! – Лейб-медик моего величества качал головой. – Вы ж еще от дифтерита не полностью отошли, организм ослаблен, фронтом измотан, а вы свою язву алкоголем травите! Вы мало спите и работаете на износ. У вас же еще две контузии! Как так можно, государь? Это никуда не годится, позвольте заметить!

Я слабо защищался:

– Так, доктор, водка же полезна при язве!

Академик иронично воззрился на меня сквозь стекляшки очков.

– Это почему же, позвольте поинтересоваться?

– Ну, это ж не шампанское и не вино. Водка, равно как и коньяк, убивает бактерии, вызывающие язву! Это ж всем известно!

Доктор Павлов смерил меня менторским взором и сообщил нравоучительно:

– Это, позвольте заметить, нонсенс! Я не имею представления о том, кто из горцев Дикой дивизии вам рассказал подобную чушь, но это как минимум не научно!

– Но позвольте! – запротестовал я и тут же запнулся, под внимательным взглядом мама.

Блин, а я не в курсе дела, знают ли местные нобелевские лауреаты такие подробности про причины язвенной болезни... Или это я опять прокололся?

– Вот что, ваше величество, – с некоторым вызовом начал доктор. – Вы меня пригласили в качестве вашего лейб-медика, но если вы не станете меня слушать, то я откажусь от этой чести! Подумать только, какую только ерунду на войне ни рассказывают! Это безобразие, просто-таки безобразие! Как может просвещенный монарх, к коим вы, я верю, относитесь, повторять подобное? Нет, нет и нет! Государь, я вполне официально заявляю, что высказанные вами идеи относительно влияния крепких напитков на язву ни на чем не основаны и являются лишь мужицким суеверием, которое вы, к моему изумлению, повторяете. Только покой, только полное воздержание от табакокурения и любых спиртных напитков, только диета могут предохранить вас от повторных приступов! Помните, ваше императорское величество, что вы принадлежите не только себе. Точнее, вы себе не принадлежите, поскольку на ваших плечах судьба всей России. Поэтому – режим, режим и еще раз режим!

– Хорошо-хорошо, доктор, я постараюсь учесть ваши рекомендации! – поспешил я закруглить опасную тему. – Однако прибытие в Москву не терпит отлагательств, и мне необходимо провести совещание с моим аппаратом...

Вновь перехватываю острый взгляд вдовствующей императрицы и спешу протянуть руку к трубке телефона.

– Я благодарю вас, Иван Петрович. Постараюсь, по возможности, следовать вашим рекомендациям.

Доктор сурово на меня посмотрел, кивнул и молча откланялся. Мама несколько мгновений мерила меня взглядом, затем произнесла лишь одну фразу:

– Я перестала тебя узнавать.

И вышла из кабинета.

Мрачно смотрю за закрывшуюся дверь. Да, груз ошибок накапливается. Как долго я смогу избегать вопросов? Тем более что мне их уже начинают задавать. Мария Федоровна вот, да и тот же Сандро, опять же.

Знал ли я про язву прадеда? В своем времени нет, не знал. Здесь же, я «помнил», но поскольку она меня никак не тревожила, то и относился к ней, как к делам давно минувших дней, точно так же, как к контузиям и к дифтериту. А меж тем именно из-за дифтерита прадед в разгар войны оказался в Гатчине, приходя в себя в отпуске по болезни.

Ладно, что уж тут говорить, нужно быть аккуратнее, вот и все.

В дверь кабинета постучали. После моего дозволения появился дежурный адъютант граф Воронцов-Дашков.

– Ваше императорское величество! В салоне собрались удостоенные чести Высочайшего доклада.

– Благодарю вас, граф. Первым желаю заслушать министра внутренних дел.

– Слушаюсь!

Пока граф ходил звать Глобачева, я сделал несколько резких махательных движений, разминая мышцы. Мне сегодня предстоял горячий день. Как, впрочем, и завтра. И послезавтра. И... В общем, силы, бодрость и терпение – вот что мне сейчас нужно больше всего!

Итак, Высочайшие доклады. Разумеется, они должны были бы включать в себя реляции о положении на фронтах, в тылу и на транспорте, правительственный, казначейский, внешнеполитический и прочие нужные мне доклады, но сегодня мы были в пути, не все министры были рядом, да и Москва была уже на горизонте, а потому доклады свелись к урезанному формату и касались в основном предстоящего Высочайшего визита в Первопрестольную.

– Разрешите, ваше императорское величество?

Оборачиваюсь к вошедшему министру и киваю.

– Какие вести, Константин Иванович?

– Имею честь доложить, ваше величество, – начал Глобачев, – что, по данным МВД, тезисы вашего выступления на съезде Фронтового Братства стали основными темами последних двух суток и живо обсуждаются среди представителей различных сословий. Иногда обсуждений довольно бурных. Так, в Петроградском и Московском университетах вчера прошли стихийные собрания студентов. По моему приказу полиция препятствий не чинила. Кроме того, есть живой отклик среди образованной части публики. По имеющимся у меня данным, в Москве сейчас собирается толпа для встречи вашего величества.

– Где собирается?

– Прошу простить неполноту моих слов, государь. Толпа собирается на площади у Александровского вокзала.

– Настроения? Лозунги?

– Про лозунги пока не имею информации, государь. По настроениям можно судить лишь предварительно, но смею предположить в целом благоприятное настроение среди собирающихся на площади у вокзала и в общем по Москве. Я бы охарактеризовал настроение как смесь любопытства и надежды. Ну, и проявление верноподданнических чувств, разумеется.

– Разумеется, – кивнул я, задумавшись.

Глобачев поклонился и добавил:

– Более точный доклад о настроениях толпы я представлю вашему величеству через пять минут после прибытия поезда на Александровский вокзал. Насколько я знаю, там еще будет и депутация от городской думы, и представители разных сословий, желающие выразить верно-подданнические чувства.

– По настроениям толпы я жду информацию. Что филеры говорят о настроениях среди гарнизона Москвы?

– Некоторые брожения все еще имеют место, но в целом ситуация уже не опасна.

– Высший свет?

Министр слегка замялся.

– Говорите, как есть, меня интересует реальное положение дел.

– Я не могу сказать, что высказанные вашим величеством идеи вызвали всеобщее одобрение в высшем обществе. Отношение скорее настороженное.

– Или враждебное?

Глобачев позволил себе улыбку.

– Думаю, государь, что за последние дни число тех, кто готов открыто выступить в оппозицию вашему величеству, заметно поубавилось. Наверняка в беседах тет-а-тет встречаются подобные проявления, но про такие случаи на публике мне пока неизвестно. Впрочем, по прибытию я прикажу усилить надзор за высшим светом.

– А что рабочие столиц?

– Рабочие больше обсуждают возможности мира, чем Союз Империи Освобождения. Последний пока не очень понят в этой среде.

– Понятно. Благодарю вас, Константин Иванович. Вы свободны.

Следующим у меня был Суворин с обзором прессы.

– Что пишут в столичных газетах?

– Ваше императорское величество! В газетах обеих столиц обсуждают ваше выступление на съезде Фронтового Братства. Вчера в утренних газетах обеих столиц был напечатан практически полный текст вашего выступления. Вечерние газеты дали основные выдержки и расширенные комментарии, разбирая речь по отдельным тезисам. Отдельной темой идет вопрос возможности новых российских предложений о мире. Общая тональность прессы – осторожный оптимизм, хотя, разумеется, глубина и характер оценок разнятся, в зависимости от партийной принадлежности или ориентации газеты. Тем не менее можно с уверенностью констатировать, что высказанные вашим величеством идеи, касаемые Союза Освобождения и мирных инициатив, вызвали живейший интерес в обществе. Во всяком случае, газеты печатают дополнительные тиражи, а некоторые выпустили даже экстренные выпуски.

– Что провинция?

Суворин виновато развел руками.

– Прошу меня простить, ваше величество, но боюсь, что в дороге у меня было не так много возможности для получения достаточных сведений о прессе провинции. Но сразу же по прибытию в Москву я постараюсь подготовить всесторонний доклад по данному вопросу.

– Хорошо, Борис Алексеевич, я благодарю вас. Что еще в темах?

– Прибытие вашего величества в Москву.

– Что пишут?

– Судя по полученным мной в пути телеграммам из московского отделения РОСТА, общая тема для всех утренних газет Первопрестольной – Высочайший визит в Москву. Смеем предположить, что встречать ваше величество соберется немалая толпа верных подданных.

– Какие настроения в толпе вы прогнозируете?

– Полагаю, что живейший интерес, ваше величество! Ваши тезисы в центре внимания, а Высочайший визит сам по себе эпохальное событие. Так что помимо благодарных подданных я ожидаю там увидеть представителей всех крупных газет России и иностранную прессу. Осо-

бенно много я ожидаю прессы из Североамериканских Штатов. В последние дни американские репортеры и фотографы просто потоком прибывают.

– Когда же они успели так быстро сориентироваться? – удивился я. – Просто поразительно!

– По имеющимся у меня данным, ваше величество, они начали выезжать из Америки еще в конце февраля.

– Вот как? Любопытно.

Я прошелся по кабинету. Интересное кино. Если это так, то они отправлялись писать о Февральской революции, едва та только началась. Точнее, когда только появились ее первые признаки в виде первых очередей за хлебом и забастовок. В России еще не во всех городах тогда знали о событиях в Петрограде, а вот, поди ж ты, американская пресса уже все поняла и выслала репортеров и хроникеров. Прелестная картина получается. Что ж, придется им делать репортажи уже о другой революции, ничего тут не попишешь. Сами напросились.

Следующим был начальник охраны генерал Климович. Тот сразу взял быка за рога.

– Государь, по имеющейся у меня информации, ваше императорское величество будет встречать большая толпа. Толпы опасны сами по себе, но это все же стихия и дело случая. Но совсем иное дело, если о прибытии вашего величества известно заранее и в толпу могут проникнуть бомбисты, которых будет очень трудно определить и нейтрализовать.

– Что вы предлагаете?

Мой начальник охраны ответил без запинки, хотя и без оптимизма:

– Предлагаю изменить место прибытия и прибыть на другой вокзал. Например, на Императорский или Курско-Нижегородский. В данной ситуации лучшим вариантом было бы прибытие на иной вокзал, откуда можно, не привлекая особого внимания, проследовать в Кремль на закрытом автомобиле.

– В новую столицу с черного хода? – покачал я головой. – Нет уж, увольте!

– Прошу простить, ваше императорское величество, но вы сами настаивали на максимальной безопасности ваших маршрутов.

– Нет, Евгений Константинович, я не могу себе сейчас этого позволить. Москва ждет своего императора. И въеду я в свою новую столицу со всей помпой. Так что готовьтесь!

Москва. Площадь новых триумфальных ворот.

10 (23) марта 1917 года

Трамвай ехал все медленнее, трезвоня все чаще. И было ощущение, что чем чаще вагоновожатый прибегает к сигналу, тем медленнее идет вагон. Разумеется, дело обстояло ровно наоборот, но инженер Маршин не мог отделаться от чувства, что полная остановка транспортного средства ознаменуется одним беспрерывным звоном.

Пешеходы, которые поначалу перебегали трамвайные пути поодиночке или группами, постепенно сливались во все более плотную людскую реку, и многие в этой толпе уже даже не удостаивали надсадно звенящий трамвай своим вниманием.

Да, судя по виду впереди, идея с посещением цирка братьев Никитиных встретит весьма серьезное препятствие, поскольку людское море впереди подсказывало Александру Тимофеевичу, что и извозчиков найти в ближайшей округе будет весьма и весьма затруднительно. Нет, сыскать-то какого-нибудь растяпу-неудачника, которому не хватило ума покинуть площадь, пока это было возможно, допустим, и удастся, но как выехать отсюда? М-да, ситуация!

– По какому поводу толпа, не знаете? – обратился Маршин к сидевшему напротив усатому господину.

– Вы что, милостивый государь, газет не читаете?

Инженер посмотрел на попутчика с некоторым удивлением.

– Читаю. Хотя, признаться, пару дней их в руках не держал. А что пишут?

– Помилуйте-с! – воскликнул усатый господин. – Как можно в наше бурное время не читать газет, решительно не понимаю! Да будет вам известно, милостивый государь, эта, как вы изволили выразиться, толпа, есть верные подданные, которые счастливы встречать на московской земле его императорское величество Михаила Александровича, изволившему посетить Первопрестольную.

Тут собеседник Маршина спохватился и подозрительно посмотрел на инженера.

– Позвольте-позвольте! Так что же, вы и не читали о выступлениях государя? Может, вы и о мятеже не слышали?

Александр Тимофеевич что-то промямлил про то, что было много работы и он как-то упустил некоторые события, досадуя на себя за то, что вообще стал спрашивать.

– Но про мятеж я, разумеется, знаю, – завершил он свои путанные оправдания и тут же решил сменить неприятную тему. – А надолго в Москву государь?

– Неизвестно, но ходят слухи... – собеседник наклонился к Маршину и сообщил с видом заговорщика: – Ходят слухи, что государь наш прибыл короноваться.

– Да что вы! – не поверил инженер. – Как сие возможно? Это ж долгий процесс, требует подготовки. Вон прошлый наш государь Николай Александрович, за полгода-с объявили о предстоящей коронации!

Усатый господин пожал плечами, мол, хотите верьте, хотите нет, но я-то точно знаю! Вслух же он привел следующий аргумент:

– Ну, так, милостивый государь, время-то какое бурное нынче! Беспорядки, война, да и государь Освобождение объявить изволили. Так что все может случиться. Да-с!

– Какое Освобождение?

Ответить на этот вопрос разговорчивому пассажиру не удалось, ввиду того, что, пронзительно и отчаянно зазвенев, трамвай встал окончательно. Громяхая сапогами по ступенькам подножки в вагон поднялся городской. Оглядев присутствующих хозяйским взором, он сообщил:

– Так, господа хорошие, трамвай дальше не идет. Выходь!

Пассажиры зашумели переговариваясь, но спорить тут было бессмысленно, поскольку причина такого события всем была ясно видна в окно. Все засуетились, продвигаясь к выходу.

– Газеты, газеты нужно читать, милостивый государь! Да-с! – с этими словами усатый господин шагнул в проем трамвайной двери и исчез в толпе.

– Да-с... – повторил Маршин, почесав кончик носа. – Ситуация, однако...

Но делать было нечего, сидеть в трамвае смысла не было никакого. Что ж, не попав на цирковое зрелище, он может компенсировать эту потерю, посетив зрелище другого рода. С такими мыслями инженер Александр Маршин и вышел из вагона.

Людское море было полно течений и водоворотов. Сходство тем более усиливали волны возбуждения, которые прокатывались по толпе от событий, происходивших где-то в стороне Александровского вокзала.

Шум, гам, крики и возгласы. Вопросы, не получающие ответов, ответы на вопросы, которые никто и не задавал, мнения, интересные лишь тому, кто их высказывал, небывлицы, которые тут же подхватывались толпой и неслись, набирая ход, словно идущий на всех парах Восточный экспресс, разгоняясь, как ему и положено, от платформ железнодорожного вокзала и устремляясь туда, в сторону старообрядческого храма Николы Чудотворца, отражаясь эхом и растекаясь по Тверской-Ямской и в обе стороны по Камер-Коллежскому валу.

– Смотрите! Казаки Конвоя!

– Что вы! Это же горцы!

– Какие горцы?

– Дикая дивизия!

– Позвольте!

- Мир!
- Смотрите!
- А правду говорят, что у них седла коврами покрыты?
- Прекратите болтать глупости, сударыня!
- В коврах они невест воруют!

– Ах, что вы говорите! Как романтично! А в Москве будут невест воровать?..

Усмехаясь, продвигался сквозь толпу инженер Маршин, ловя обрывки фраз и волнений и выбирая курс. Судя по всему, начало действия все же будет не там, а с другой стороны, там, где за парашютом Тверского путепровода раскинулась огромная площадь.

Однако протиснуться к парашюту было не так просто, даже с учетом роста и ширины плеч, ведь людская масса здесь была спрессована сверх всяческой меры. Впрочем, рост позволял Александру Тимофеевичу видеть происходящее и через несколько рядов, стоящих впереди. Видеть, как на пространстве перед Александровским вокзалом людское море заколыхалось, заволновалось в ожидании и вдруг замерло в наступившей тишине.

Где-то за вокзалом зазвучал оркестр, играя встречный марш. И вот, к восторгу собравшихся, из-за поворота появился алый всадник на белом коне, за которым скакала группа всадников также в алых бешметах, но на лошадях иной масти.

– Что там? Что там? Ну, кто-нибудь, скажите!

Маршин опустил взгляд и посмотрел на подпрыгивающую рядом с ним прелестную барышню, которой явно ничего не было видно.

– Царь на коне выехал, – сообщил инженер девушке, – скачет вдоль цепи казаков Конвоя.

– Ой! – захлопала в ладоши барышня. – Меня услышали! Спасибо вам, сударь! А что там еще происходит?

Александр усмехнулся и стал комментировать происходящее:

– Вот они доскакали. Император что-то говорит людям на площади, все кричат какие-то здравицы.

– А что? Что он сказал? – взмолилась барышня. – Как жалко, я так ничего не увижу и не услышу...

Собственно, сам Маршин также ничего не мог расслышать из-за расстояния и шума толпы.

– Хотите посмотреть на царя поближе? – вдруг спросил он, оглядываясь.

– Ой, хочу, – обрадовалась девушка, – конечно же хочу!

– Тогда держитесь за меня и не потеряйтесь по дороге!

И могучая фигура инженера, словно ледокол, двинулась сквозь толпу к Триумфальным воротам. Через несколько минут они уже были в непосредственной близости от выстроившейся цепи солдат Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка.

– Вот, стойте передо мной, и все увидите.

Барышня закрутила головой, но, не найдя царя, спросила обернувшись:

– А где государь? Я по-прежнему его не вижу!

– Терпение, сударыня, терпение. Если я правильно все понимаю, то скоро вы его здесь увидите.

Действительно, не прошло и пяти минут, как со стороны вокзала донеслась музыка марша, и вот высокому Маршину стал виден скачущий впереди император, возглавляющий целую конную процессию.

– Вижу! Вижу! – захлопала в ладоши барышня, увидев наконец-то того, кого она так хотела лицезреть.

Михаил Второй меж тем подъехал к Триумфальным воротам, развернул коня и, привстав в стременах, поднял в приветствии руку.

– Приветствую вас, люди Земли Московской!

Толпа и здесь взорвалась приветствиями и возгласами.

– Я благодарю вас за то, что вы пришли нас встречать!

Вновь шквал приветствий.

– Наступает время новой России! Освобождение для всей России и для каждого человека! Построим Освобожденную Россию вместе!

Тут уж площадь буквально взорвалась от восторга, а стоявшая перед Маршиным барышня даже запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

Император меж тем продолжал:

– Темные века завершились! Да здравствует всеобщее просвещение и всеобщее благополучие! Да здравствует Освобождение! Да здравствует новая Россия! Россия для каждого!

Толпа бесновалась. Звучали приветствия, крики «Да здравствует император!» Вдруг милая барышня запела звонким голосом:

Боже, царя храни!..

Стоящие рядом подхватили, и вот гимн распространился на всю площадь.

Маршин монархический гимн петь не стал. Глядя на окружавшую его эйфорию, он пытался понять, что же он пропустил за эти несколько дней. Из-за чего такой восторженный прием? Еще неделю-две назад вся эта публика живо обсуждала события в Петрограде и приветствовала революцию, которая ожидалась со дня на день. Что же изменилось?

Собственно, газеты Маршин перестал читать после того, как стало ясно, что революция не состоялась, свободы не будет, вновь в России торжествует деспотия и средневековье. У него просто не было больше внутренних сил на то, чтобы, преодолевая отвращение, читать про то, что новый царь «милостиво повелевать соизволил». И, насколько он мог судить, общий настрой просвещенной публики был солидарным с ним. И вдруг такое – все сошли с ума. Прямо поветрие какое-то. Так, нужно срочно найти газету! Полцарства за газету!

Гимн завершился, толпа покричала «ура!», и Михаил Второй вновь обратился к толпе:

– Я верю, мы добьемся победного мира в интересах России! Наша доблестная армия и наш славный флот заставили всех уважать и бояться силы русского оружия! Победный мир близок!

– Победный мир? Хех! – Маршин не мог не оценить такой словесный выкрутас. Да, новый царь явно умеет себя подать перед толпой и обернуть в красивую обертку ее ожидания. Неудивительно, что так встречают.

Оглядевшись вокруг, он вдруг по-новому взглянул на происходящее. Где весь привычный пафос? Где заунывные батюшки с кадилами, где расфуфыренные сановники и чопорные генералы? Где верноподданнические делегации и лакейские взгляды? Да всю эту толпу сюда бы просто не пустили! Стояли бы тут подобострастными рядами «лучшие люди города», а император глядел бы на всех отеческим взглядом Хозяина Земли Русской, полным холодного презрения ко всей этой рабской черни, возомнившей о себе бог знает что!

Но нет, не было набившего оскомину пафоса, не было рядов сановников, церковников и прочих персонажей, которые вызывали у Маршина острое неприятие. Скорее атмосфера напоминала революционный митинг, да и шапок особо никто не ломал перед императором.

А царь уже завершал свою речь, гарцуя на белом коне.

– Сегодня по главной улице Первопрестольной пройдут парадом герои войны, кавалеры орденов и медалей, настоящие, закаленные в боях воины! Приветствуйте своих героев, благодаря которым станет возможным победный мир!

Рев восторга прокатился по площади. Зазвучал оркестр, и мимо Маршина пошли ряды вооруженных винтовками солдат. И на груди каждого в этом строю желто-черным огнем горели ленты орденов и медалей, покачивались в такт шагам георгиевские кресты...

Москва. Тверская-ямская улица.

10 (23) марта 1917 года

Проезжая сквозь Триумфальные ворота, ощущаю себя каким-то полководцем. Одно пока неясно – возвращается ли моя армия в собственную столицу с победой или же моя армия вступает в столицу вражескую?

Разумеется, радостные крики и приветствия подсказывают, что это мои подданные меня встречают, но насколько этот непонятный мне пока город действительно будет моим? Не придется ли мне однажды, словно татю ночному, бежать из него? Вон, покойный Керенский в моей истории сначала был вполне в фаворе у толпы, а затем бежал, переодевшись в женское платье и выпрыгнув в окно. Правда, он потом утверждал, что все это вранье, но какое это уже имеет значение?

Впереди меня цепью растянлись казаки Конвоя, прикрывая мою особу от возможного нападения, но судя по узости здешних улиц, никакой Конвой и никакая охрана не могли меня стопроцентно защитить от броска какой-нибудь бомбы из окна верхних этажей или выстрела из винтовки с любой крыши. И судя по рапорту Климовича, сегодня этот риск возрос многократно. Но делать нечего, назвался царем – полезай на белого коня.

Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!
Так за Царя, за Родину, за Веру
Мы грянем громкое ура, ура, ура!

Я помахивал рукой, приветствуя столпившуюся по тротуарам публику, за мной топали по грязному снегу георгиевцы, а за ними со всем горским шиком двигалась колонна всадников Дикой дивизии. Мы вступали в Москву.

Глядя на окружающие меня улицы, на людей, на развевающиеся флаги, я почему-то ловил себя на мысли, что, вероятно, вот так же, парадом, мечтали войти в Первопрестольную все те полки, которые так рвались в Москву в кровавые годы Гражданской войны. Что с того, что вхожу я в столицу под теми же знаменами? Разве можно сравнивать нас? Разве у нас одинаковые цели? Нет. Они хотели вернуть старое, а остальные старой жизни не хотели, да так не хотели, что готовы были воевать, убивать и умирать.

Но разве не хочу я сохранить ту Россию, которую мы, как любят говорить, потеряли? Хочу. И не хочу. Я хочу сохранить фундамент, но вдохнуть жизнь и энергию в ту жизнь, которая была здесь до меня. Однако, черт меня побери, жить в той России, которую я помню памятью прадеда, я не хочу. Возможно, потому что я чужак здесь, возможно, потому что память моего собственного времени преломляет окружающий мир, но, клянусь Богом, я так и не научился видеть в аборигенах этой эпохи просто людей. Глядя на каждого, я не могу избавиться от чувства, что я словно вижу три слоя. Вот позади меня скачет командир моего Конвоя барон Врангель. И для меня он, с одной стороны, храбрый офицер и верный служака, а с другой – он Черный Барон, известный мне по Гражданской войне. Ну, а с третьей стороны, я все время ловлю себя на том, что пытаюсь представить судьбу этого человека, не случись революции и Гражданской.

Что ж, возможно, кто-то из отличившихся в той братоубийственной войне в этой, моей версии истории не запомнится ничем, словив свою дурную пулю где-то на другой войне. Но сколько тех, кто не погибнет в Гражданскую? Сколько тех, кто не покинет Россию, кто продолжит свою работу, свои исследования, свои усилия? Вот, к примеру, Сикорский? Или тот же Ботезат? Или Григорович? Зворыкин? Да хоть тот же Маниковский? Десятки, да что там десятки, тысячи имен и фамилий. А сколько тех, кто теперь сможет проявить себя?

Сохранить одних, дать возможность другим и выявить, воспитать третьих, вот та задача, которую я ставлю перед собой.

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

Заметив знакомый дом, я вострепнулся. Стоп, да это же Пушкинская площадь! Точнее, здесь она именовалась Страстной, но не в этом суть! Прямо даже какая-то испарина пробила. Это ж сколько я бывал здесь, сколько гулял по бульварам, сколько... Да что там говорить, эх...

Покрутив головой, я убедился, что примеченный мной угловой дом на два этажа ниже, вместо «Дома под юбкой» стоит церковь, на самой площади высится Страстной монастырь, а памятник Пушкину на обратной стороне площади. Да и сама площадь меньше и уже, но тем не менее это ТА САМАЯ ПЛОЩАДЬ.

Ловлю себя на странном ощущении, словно я, воротясь домой после долгих скитаний, вдруг встретил прямо на улице старого друга. Вот, до этого места я Москву реально не узнавал. Другие люди, другие улицы, дома, мощенные брусчаткой мостовые... Да, отдельные места сохранились и в моем времени, но все равно это был совсем другой город, в чем-то даже чужой для меня, не трогающий моих душевных струн. Вот тот же Белорусский вокзал, который сейчас Александровский, не вызвал во мне никаких эмоций, а вот поди ж ты, Пушкин и дом угловой, все вернули на круги своя.

И словно спала с глаз пелена, словно проступили сквозь декорации истинные черты, вдруг пошло массовое узнавание – дома, улицы, повороты и перекрестки буквально кричали о себе, словно приветствуя вернувшегося домой блудного сына.

Что ж, я дома! Я вернулся, Москва!

И плевать я теперь хотел на все трудности и, вообще, на все. Я не захватчик, не оккупант. Я вернулся домой. Дом не выдаст и не съест. Дом стенами поможет!

Глава II. Пир перед Рубиконом

Москва. Кремль.

10 (23) марта 1917 года

А вот Кремль произвел тягостное впечатление. Печать унылого запустения лежала буквально на всем, а сама атмосфера была словно в склепе. Тихо. Пусто. Тоскливо. Аляповатая роскошь лишь оттеняла общий упадок, оттого выглядела пошло и нарочито, слово китчевая поделка или ремонт в особняке новых русских моего времени.

Иные музеи выглядят более живыми и обжитыми, чем знаменитый Кремль этого времени. Сразу чувствовалось, что здесь никто никогда не жил. Смотрители выполняли свою уставленную правилами работу, нимало не заботясь о том, чтобы вдохнуть жизнь в эти стены. Да и зачем? Когда сюда приезжал император, кроме как на коронацию? Кто здесь сидел? Московский губернатор? Отнюдь, у него была своя резиденция. Кто еще? Коты да монахи.

Монахов (и монахинь) тут, кстати, было огромное количество, а сам Кремль напоминал проходной двор. Нет, в палаты дворцов никого не пускали, но вот двор был наполнен снующими в разные стороны персонажами, что заставляло нового коменданта Кремля и начальника Дворцового управления генерала Комарова просто рвать на себе волосы от злости.

Кстати, надо отдать ему должное, ведь, заняв буквально вчера свой пост, он уже многое сделал для наведения порядка. Хотя реально добиться результата он сможет только сегодня, после того как казармы Собственного ЕИВ сводного пехотного полка в Кремле заняли солдаты Георгиевского полка, не имеющие никаких личных связей в Москве и в кремлевском хозяйстве и начисто лишённые сантиментов по отношению к кому бы то ни было.

Впрочем, это сразу же привело к тому, что генерала Комарова начали осаждать со всех сторон с просьбами и требованиями сделать исключение и послабление. Особенно усердствовали настоятели кремлевских монастырей, выражая всяческую озабоченность жизнедеятельностью и хозяйством своих церковных вотчин. Но тут генерал Комаров вообще закрутил гайки, установив пропуска, зоны доступа и прочие прелести. Точку в этом поставил ваш покорный слуга, передав через Комарова привет настоятелям и указав, что если я про эту суету услышу еще раз, то окормлять паству они будут где-нибудь в Сибири. На том и порешили.

И вот теперь, проходя мимо Чудова монастыря, я услышал оттуда звуки хорового пения.

– Репетируют монахи?

– Точно так, государь, – усмехнулся генерал Комаров, – второй час уж надрываются.

– Если они не споют как надо, я их точно в Сибирь законопачу, так им и передайте. Но все равно надо реально подумать о режиме нахождения их здесь.

– Слушаюсь. Однако смею заметить, что было бы лучше провести через обер-прокурора Святейшего Синода решение о выселении всей этой братии в другой монастырь, или пусть строят себе новый. Если столица переносится в Москву и если резиденция вашего величества будет здесь, то им в Кремле делать нечего.

– Надо подумать. А что, Владимир Михайлович, – обратился я к главноуправляющему Министерства Двора, – действительно, изучите этот вопрос и проработайте его с Самариным. Великокняжеские усыпальницы и торжественные богослужения это одно, а действующий монастырь на территории Кремля это уже совсем другое, верно? Тем более два. Да еще и один женский, ну куда это годится? Нам тут только эксцессов не хватало!

– Да, государь, – слегка поклонился князь Волконский. – Но это потребует некоторого времени.

– Вот и займитесь.

Так вот, слово за слово, и дошли мы до Сенатского дворца. Следы запустения были и здесь, но почему-то у меня они вызывали меньшее неприятие, чем вызолоченные залы Боль-

шого Императорского дворца и залы Малого Николаевского дворца. Быть может, именно за счет того, что позолоты тут просто было меньше. Вероятно также, в этом и была причина того, что именно здесь жили все советские вожди, а затем именно здесь была резиденция президента России. А может, он был просто удобнее устроен.

Походив по залам и кабинетам, я распорядился:

– Так, слушай мое повеление. С сего дня объявляется о том, что официальная рабочая резиденция императора Всероссийского располагается в бывшем Сенатском дворце, который с этого дня именуется Домом империи. На флагштоке дворца при моем нахождении в Кремле поднимать императорский штандарт, при моем отсутствии заменять его на государственный флаг империи. Третий этаж дворца определить как Императорский, второй отдать под Императорский ситуационный центр, а на первом разместим Императорскую Главную Квартуру. Императорская Канцелярия, Министерство Двора, Комендатура Кремля и Дворцовое управление расположатся в Малом Николаевском дворце. Большой Императорский Кремлевский дворец использовать для торжественных мероприятий, приемов и прочих официальных мероприятий. Кстати, Владимир Михайлович, как идет подготовка к завтрашнему мероприятию?

– Все благополучно, государь, нет поводов для волнений.

– Прекрасно. Что это за папка у вас в руках?

Князь поклонился.

– Это, ваше величество, результаты исследований господина Жилина.

– А, тот ваш пройдоха? Что ж, любопытно. Покажите.

Пересмотрев содержимое папки, я усмехнулся.

– Скажите, Павел Григорьевич, – обратился я к командующему Отдельного корпуса жандармов, – не находите ли вы странным, что неизвестный человек, вот так вот берет и делает целый фотографический альбом ряда объектов Москвы, включая Кремль?

Курлов заглянул в фотографии и пожал плечами.

– Большая часть фотографий – это просто доходные дома. Они никак не охраняются и пока не представляют ценности. Кремль да, но, судя по этой карточке, снято позавчера, когда Кремль еще так не охранялся.

– Но?..

– Но впредь мы этого не допустим.

Я кивнул и углубился в фотографии. К каждой шло описание: кто владелец, кто управляющий, каковы существующие условия найма, кто сейчас обитает в квартирах либо снимает площади под различные организации. Объектов было много, где-то десятка три в различных районах Москвы. Описывались окружающие строения, давалась оценка возможности применения дополнительных площадей. Были даже предложения по расселению ведущих чиновников так, чтобы им было удобно добираться до службы.

– Так, Александр Михайлович, это, вероятно, вам. Изучите возможность размещения Военного министерства и Генштаба в этом районе на Знаменке.

Сандро взял пачку бумаг и углубился в изучение.

– Ладно, вопрос требует проработки, – подвел я предварительный итог. – В целом, Владимир Михайлович, работа вашего протеже производит приятное впечатление. Посмотрим подробности позже. Ага, а вот этот кабинет станет моим рабочим.

Я подошел к окну. Передо мной раскинулось пространство дворцового двора, а напротив окна высился купол, на котором солдаты Георгиевского полка уже поднимали мой штандарт. Еще мгновение и имперский орел на золотом поле раскинул свои крылья над Москвой.

Москва. Большой кремлевский императорский дворец.

11 (24) марта 1917 года

Генерал Комаров делал доклад о состоянии кремлевского хозяйства. Не хватало абсолютно всего, и не только у Комарова. Всем всего не хватало. Не хватало помещений для размещения учреждений и служб, не был решен вопрос с расквартированием, включая поселение прибывающих в Москву чиновников и размещение войск, ведь казарменный фонд Москвы был не так велик, а что случается в переполненных казармах, мы все видели на примере февральских событий.

Правильно ли я поступил, подписав Манифест о переносе столицы в Москву? Не поторопился ли я? Было совершенно очевидно, что город к переезду такой оравы из Питера не готов. Катастрофически не хватало помещений под органы власти, под министерства, под Госдуму и Госсовет, под кучу всего на свете, включая военные и транспортные нужды. Главой комиссии по переезду я назначил главноуправляющего Министерства Двора, но что он мог сделать в ситуации, когда я повелел спешно перебираться в Москву, да еще и устроить «по дороге» переезд чиновников? Цель моя была понятной и благородной, но где брать новых, да еще и адекватных чиновников? И куда их размещать?

А еще и премьер Нечволодов должен прибыть с костяком нового правительства, формирование которого шло к завершению. И это неизбежно добавит хаос в общую неразбериху, творящуюся сейчас в Москве. Нет, протеже князя Волконского проделал огромную работу. Да и сам главноуправляющий Министерства Двора буквально ночей не спал, пытаясь все разгрузить, но невозможно вот так, с бухты-барухты, переместить в малоприспособленный город огромный государственный механизм империи. В общем, штабисты, службисты, интенданты, снабженцы и прочие хозяйственники работали как стахановцы в забое, но все равно переезд министерств явно обещал затянуться, что создавало дополнительную проблему жизни на две столицы, поскольку всегда есть риск оказаться не там, где ты нужен в данный момент.

Вообще, сейчас, когда схлынула первая эйфория после приезда, я взглянул на Москву под иным углом зрения. Нет, умом я понимал, что Москва столетней давности – это вовсе не тот сверкающий мегаполис, к которому я привык, но реальность оказалась просто шокирующей. Грязь, трущобы в самом центре города, какие-то хибары, лавки, торговые ряды.

Почему-то в глубине души я ожидал увидеть Первопрестольную, какой ее мог бы видеть в романе профессор Преображенский, но в реальности город напоминал больше впечатления Шарикова или записки мэтра журналистики этого времени господина Гиляровского. Да, теперь я больше понимал его утверждения о том, что основные клоаки старой Москвы были выкорчеваны лишь при советской власти.

Контраст с Петроградом просто шокирующий. Там пусть и были рабочие кварталы, фабрики и заводы, прочий ужас, но все же это была имперская столица и трущобы были вне поля зрения чистой публики. А вот Москва...

В Москву даже цари не так часто приезжали. Кремль, как я уже говорил, пребывал в явном запустении, да и вообще не Кремль, а какой-то проходной двор – деревня за стенами. Причем жилая деревня, ибо ходили тут все кому не лень. Да и вокруг стен Кремля не приведи Господи что творится.

Почему-то вспомнилась какая-то послевоенная фотография, где какие-то ужасающие трущобы и прочие сараи массово стояли в прямой и близкой видимости Кремля. Если не ошибаюсь, где-то в районе Зарядья. Не помню точно, да это и не важно, поскольку халупы массово попадались на послевоенных фото во многих местах города. И, прошу заметить, фотки эти были послевоенными относительно уже той, второй войны, той, которая Великая Отечественная 1941–1945 годов, а отнюдь не нынешней, пафосно именуемой моими нынешними современниками «Великой».

А Большой Кремлевский Императорский дворец произвел на меня просто-таки удручающее впечатление. Пока идет косметический ремонт моих помещений в Доме Империи, мне придется а обитать в этом официальном дворце. С тоской побродив по роскошным залам, я

понял, почему императоры до меня там никогда не жили, останавливаясь во время своих редких визитов в Москву в Малом Николаевском дворце. Пафос и роскошь годились лишь для официальных мероприятий, но никак не для реальной жизни и эффективной работы по управлению огромной империей. Построенный явно не для практического применения дворец был бестолково организован. Даже так называемая Собственная половина дворца предназначалась для чего угодно, но не для практического использования.

Например, все покои царской семьи, включая мой кабинет, находились мало того, что на первом этаже, так еще и не в глубине комплекса, а непосредственно на линии прохода и проезда от Боровицких ворот! То есть все кому не лень, включая братию кремлевских монастырей, ходили и перевозили телеги прямо под моими окнами. И между этими окнами и публикой под окнами не было никакого расстояния и никакого толкового охранения. По факту любой «монах» мог швырнуть бомбу прямо в мой кабинет или непосредственно поздравить царя-батюшку «с добрым утром», передав этот привет посредством метания саквояжа с взрывчаткой прямо ко мне в постель! Или вот, например, телега с припасами для монастыря – какая гарантия того, что ее дотошно досматривали в воротах? А не было никакой гарантии. Ну и что, что там георгиевцы на воротах? Это меняет человеческую природу? В это время вообще людям было принято верить на слово. Особенно если монах примелькался, то, невзирая на самые громкие мои повеления, я не был гарантирован от простого пофигизма стражи на воротах. Как там? Суровость законов компенсируется необязательностью их исполнения? Это вот про нас.

И при этом разместиться в Малом Николаевском дворце я не мог ввиду того, что там сейчас полным ходом шло заселение Министерства Двора, Императорской Канцелярии, Комендатуры Кремля и Дворцового управления генерала Комарова.

После того, как за Комаровым закрылась дверь, я повелел пока никого не пускать и задумался.

Да, вопрос с безопасностью нужно решать срочно. Паранойя, скажете вы? Лучше быть живым параноиком, чем мертвым дураком. Меня тут уже приучили к тому, что бомбу могут кинуть откуда угодно. И дело тут не в паранойе, а в моей твердой уверенности, что покушения мне нужно ждать в самое ближайшее время. Слишком крутые изменения я затеял, слишком многим они не нравятся, и слишком многие будут жаждать моей крови. А заговор или саквояж с бомбой в окно – это уже частности.

Кстати, после подавления очередного мятежа я склоняюсь к приоритетности именно версии с бомбой. Вот такой вот монах вытащит из подводы бомбу и кинет прямо мне на стол. Или в постель. Или взорвет полдворца вместе с подводой.

Я с ненавистью посмотрел в окно. Нет, так жить нельзя, нужно менять кабинет, перемещаться в глубь охраняемой территории. Быть может, переехать в парадные покои второго этажа? Сделать временную приемную в Екатерининском зале, кабинет в Парадной гостиной, а личные покои в Парадной опочивальне? Там еще и Ореховая гардеробная рядом, можно ее реконструировать. Сделать себе пока квартирку и рабочий офис в Парадном крыле, что мне, много надо, что ли? Георгий с гувернером да с Марией Федоровной пока в апартаментах великих князей у Оружейной палаты, тоже будут недалеко.

Что хорошо в идее с переездом, так это то, что перечисленные помещения находятся на вторых этажах, что существенно снижает вероятность броска саквояжа с бомбой. А кроме того, окна выходят на Императорскую площадь, которая как раз между Большим Кремлевским Императорским дворцом и Оружейной палатой и тянется. И самое главное, что между Оружейной палатой и Кремлевским дворцом стоит кованая решетка с воротами, а у ворот стоит охрана, и попасть на эту площадь нужно постараться, тут уже не получится «проходить мимо» даже с пропуском.

Правда, помещения эти роскошные и громадные, но тут уж придется пока потерпеть, хотя и не люблю я все эти роскоши. Кстати, заходил в Теремной дворец, думал, может, там

чего можно сделать, и понял, что стиль Ивана III – это совсем не ко мне. Все время ощущение, что живешь в русской народной сказке, с самым что ни на есть реальным Золотым крыльцом, на котором, как известно, сидели царь, царевич, король, королевич...

Тьфу ты, ну ты!

И самое главное, как совместить все эти меры охраны с тем, что мне постоянно нужно встречаться с новыми людьми, активно перемещаться, да и перед толпами выступать? Я же не могу запереться в золотой клетке и бояться высунуть нос? Нет, не могу. Но, с другой стороны, судьба Ленина также предостерегает, что на каждого вождя может найтись своя Фаня Каплан.

Впрочем, сидеть взаперти я тоже не собирался.

Москва. Кремлевские казармы дежурной сотни собственного Его Императорского Величества конвоя.

11 (24) марта 1917 года

Длинный стол собрал всех казаков, кто не был на посту. Праздничная поляна хотя и отличалась от обычных царских кушаний, но и царь-батюшка не гнушался преломить хлеб с казаками Собственного Конвоя.

Я стоял со стопкой водки и смотрел на множество лиц, обращенных в мою сторону. В отличие от Дикой дивизии, которая была верна мне априори, в отличие от солдат Георгиевского полка, которые возвели меня на трон и которых я обласкал, и буду продолжать это делать, казаки Конвоя были мне верны лишь велением присяги, а это весьма опасное положение, учитывая близость их к моей брэнной тушке. Поэтому первый визит к ним.

Что может быть милее сердцу воина, чем командир, не чурающийся своих солдат? Особенно, если этот командир не прячется в бою за их спины? Пусть с казаками Конвоя я не ходил в атаку, но ни одна зараза не сможет мне бросить в лицо обвинение в том, что я лично не водил свои войска в бой. Спасибо прадеду, что даже высказанное вслух сомнение в моей храбрости могло повлечь за собой серьезные неприятности для болтуна и без вмешательства всяких спецслужб. Фронтовики бы просто не поняли. И не простили бы. А в особенности сейчас, после всего, что я наговорил и наобещал. Насколько я мог судить и насколько я мог опираться на доклады, моя популярность в армии сейчас была крайне высока. Но популярность популярностью, а укрепить свой авторитет просто необходимо. И потому я в казармах, потому я чествую своих солдат, потому я пью с ними и ем с ними хлеб. Рецепт, проверенный тысячелетиями. Точно так же, как и я сейчас, пировали со своими легионами и полководцы древности. Особенно, если они хотели, чтобы их солдаты вместе с ними перешли тот самый Рубикон.

– Казаки! Вольный дух казачества веками создавал особую общность, особый уклад жизни, творил из казаков лучших наездников и лучших воинов. Вы всегда были опорой и надеждой русского престола. Были, есть и, верю, будете! Служба царю и личная свобода – вот главный девиз, особый смысл жизни казака. Слава, Высочайшая благодарность и привилегии – вот оценка службы Отечеством и императором. Служите верно, служите храбро и помните – я не забуду верную службу и всегда буду на вашей стороне!

Я поднял стопку и громко запел (благо прадед пел шикарно!):

На горе стоял казак, он Богу молился,
За свободу, за народ, низко поклонился.

Казаки взвыли от восторга, тут же десятки, сотни голосов подхватили песню:

Ойся, ты ойся, ты меня не бойся,
Я тебя не трону, ты не беспокойся...

Зазвучала музыка, кто-то растягивал меха баяна, отбивал темп бубен, слитные голоса выводили под сводами казарм, разносясь в ночной тиши на сотни метров вокруг Кремля.

А ещё просил казак правды для народа
Будет правда на Земле, будет и свобода!..

*Москва. Кремлевские казармы дежурной роты 1-го Лейб-гвардии Георгиевского полка.
11 (24) марта 1917 года*

Следующий визит к тем, кто был моей надеждой и опорой в этой схватке за власть, схватке за будущее, в схватке, в которой я обязан был победить любой ценой.

– Мои боевые товарищи! Ваш полк уникален, ведь только в вашем полку все без исключения служат герои настоящей войны, войны без дураков, войны, где нет места малодушию и трусости. Вы же в этом ряду лучших бойцов воистину лучшие из лучших! Вы – герои войны, и я верю, что вы все станете героями мира, героями той России, ради которой мы с вами воевали, проливали кровь и которая наградила нас самыми геройскими, самыми уважаемыми в армии орденами и медалями Святого Георгия! Я пью за вас, мои верные солдаты! Отчизна будет всегда благодарить вас, а я никогда не забуду вашу доблесть и вашу верность!

Я опрокинул стопку под восторженные крики собравшихся. Под сводами старинных казарм трижды прогремело «ура!», и стопки были дружно опрокинуты. С ответной речью выступил генерал Тимановский, заверивший меня в верности царизму в моем лице всех присутствующих и готовности все приказы этого самого царизма исполнить в точности и без колебаний.

Снова водка, снова «ура!», снова мои слова:

– Объявляю вам о моем официальном повелении сформировать новый полк – Лейб-гвардии Георгиевский полк Его Императорского Величества с дарованием прав Старой Гвардии. Шефом вашего полка буду лично я. Верю, не посрамите вы честь Георгиевского знамени, будете достойны всех тех, кто снискал воинскую славу, кто творил величие России на полях сражений, кто был удостоен самой почетной награды русского воинства!

«Ура» вновь гремит под сводами, вновь стопка, вновь ответные речи. Слово за слово, а вновь пора сказать царю-батюшке:

– Герои Великой войны. На ваших плечах ответственность за судьбы России. Ответственность не только на полях сражений, но и в куда более трудное время мирной жизни. Именно вы должны стать и, я верю, станете опорой и движущей силой творения новой жизни в нашем Отечестве. Жизни, о которой мечтали в окопах, жизни, которая грезилась во снах, жизни, которая описывалась пророками минувших эпох. И я верю, что у нас с вами все получится. Получится, потому что не может не получиться. Ибо если не мы, то кто? Именно мы, вы и я, сможем вместе сотворить новую Россию. Я, веря в вас, а вы веря в меня, в вашего государя. За вас, гвардейцы!

*Москва. Кремлевские казармы дежурной сотни дикой дивизии.
11 (24) марта 1917 года*

Последняя гастроль на сегодня. Ингушский полк, сотне которого случилось дежурить в Кремле первой. Тут уж мне говорить приходится мало, полк встретил меня восторженными криками, а ротмистр Ивченко затянул официальную дивизионную песню собственного сочинения:

Мы не знаем страха,
Не боимся пули,
Нас ведёт в атаку

Храбрый Михаил!

Я покосился на спешащего ко мне с рогом вина полковника Мерчуле, о котором, собственно, и поется в оригинальной версии этой песни. Но чего не сделаешь ради Высочайшей Особы! Что ж, как говорится в подобных случаях, прогиб засчитан. Принимаю из рук командира полка раззолоченный рог. Разноголосица выводила куплеты:

Пушки мы отбили,
Рады от души,
Вся Россия знает
Джигитов ингушей!

Ингуши пели вдохновенно, глаза горели восторгом, звучала кавказская мелодия. Всадники пели:

Слово власти созывало
С гор наездников лихих,
Тесной дружбою сковало
Нас, вайнахов удалых!

Торжественно держу рог с вином (что там, на тему понижения градуса и язвы?) и я пою вместе со всеми:

Рано утром на рассвете
Полк в атаку поведут.
А быть может, после боя
Нас на бурках понесут.

Глядя на всю эту удалую вольницу, вспоминаю, сколько сил и нервов было потрачено командирами, офицерами и унтерами Дикой дивизии для того, чтобы привести всех этих гордых, но абсолютно не военных горцев к дисциплине. Воинственные горцы жили в абсолютно ином мироустройстве, и для них многие обычные армейские понятия были чуждыми и совершенно непонятными. И даже по прошествии нескольких лет войны джигиты так и не стали частью регулярной армии, сохраняя свою дикую вольницу и горные обычаи почти в первозданном виде. А потому хлопот с ними всегда было предостаточно. Именно потому я рассматривал их нахождение в Москве, а точнее в Подмосковье, как меру вынужденную, и планировал в кратчайшие сроки отправить основную часть дивизии обратно на фронт, оставив в столице по одной дежурной сотне от каждого полка, проводя ротацию каждые месяц-два. Но пока я не мог их отпустить восвояси. Как символ, как психологическое оружие, им цены не было, и сам факт наличия Дикой дивизии в Москве серьезно остужал горячие головы, поскольку было ясно, что этих горячих парней разагитировать не удастся, верность мне у них абсолютная, и приказ подавить любое выступление против меня они выполнят с восторгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.